

ВАДИМ ПАНОВ

ОТРАЖЕНИЕ

Магический реализм Вадима Панова

Вадим Панов

Отражение

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Отражение / В. Ю. Панов — «Панов Вадим», «Эксмо»,
2018 — (Магический реализм Вадима Панова)

ISBN 978-5-04-090586-7

Шесть историй. Шесть куплетов из песен знаменитых рок-групп. Шесть жанров. И многослойный сюжет, с математической точностью связывающий новеллы в объемный роман, вплетающий в нашу повседневность невозможное и неосуществимое. Отражение – мир, в котором можно купить мечту, молодость, признание и даже зло. Цена невысока – всего лишь человеческая жизнь. Но, к счастью, всегда находятся те, кто готов противостоять Злу: и внешнему, и внутреннему. С виду обычные люди, которых вы каждый день встречаете на московских улицах или питерских набережных, в Отражении становятся орудием возмездия. Но как бы ни преобразались герои в Отражении, оно, если присмотреться, не так уж и сильно отличается от привычного Дня. Ведь оно – отражение нашей реальности, в наших глазах, наших сердцах, наших умах и капле дождевой воды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090586-7

© Панов В. Ю., 2018
© Панов Вадим, 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Макам VII. Колдовство	6
Ingresso	6
Punto	8
Макам I. Проклятый старый дом	31
Ingresso	31
Punto	34
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вадим Панов

Отражение

Дизайн переплета А. Саукова

© Панов В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Посвящается моей жене Наталье,
Отражению моего сердца...*

Тень птицы, бесшумно скользящая по земле. Прячущийся в зеркале двойник. Трепещущий на поверхности реки образ города и другой, почти невидимый, сотканный из капель неба... Каждую секунду, каждое мгновение мир смотрит на себя и порождает Отражения. Бесчисленное множество Отражений, перемешанных так густо, что Явь становится неотличимой от Таинства. Отражения железа и камня, желаний и надежд, веры и мечтаний, забытого прошлого и усталого будущего, тайных помыслов и жутких страхов... Отражения любви и ненависти. Они раздвигают горизонты реальности и вплетаются в ткань мира, делаясь его частью и порождая новые Отражения.

Ибо все, что мыслимо, – осуществимо. Ибо все, что мыслимо, – настоящее.

Макам VII. Колдовство

*Каждый вечер я иду к тебе
И зажигаю свечи на твоём окне.
Каждый вечер гонит дождь меня,
Но снова тают свечи, с ними таю я...¹*

Ingresso

Морщина!

Не тоненькая, напоминающая упавшую на лицо паутинку, а настоящая, глубокая морщина, обезобразившая лоб. Проклятая морщина, дерзко намекающая на возраст, на те годы, что остались позади. Не вечность, конечно, но долгие, очень долгие годы. Давно стершиеся из памяти и навсегда оставшиеся в ней. Годы побед, свершений, поражений... Годы жизни. Невозможно долгой для подавляющего большинства людей жизни.

Он знал, что бессмертие не для него, что настанет час, когда уникальный ритуал перестанет действовать и неумолимое время явится к нему с пачкой неоплаченных счетов, но за длинную свою жизнь свикся с мыслью, что до конца далеко.

А проклятая, очень глубокая морщина только что сказала: «Нет!»

Старость и бессилие гораздо ближе, чем кажется, и морщина – далеко не первый их признак. Есть еще неприятный запах изо рта, который невозможно заглушить никакими освежителями. Сухая кожа. Блеклые волосы. Ноющие перед дождем суставы...

Сила пока есть, но время уходит, и если раньше он проводил ритуал раз в год, то теперь его приходится совершать каждые три-четыре месяца. Пройдет еще лет десять, и ритуал перестанет работать.

Совсем.

– И тогда я умру.

Он боялся смерти, но фразу произнес спокойно, потому что не ждал ее сейчас. Смерть снова будет обманута.

Он нежно прикоснулся подушечками пальцев к холодному стеклу, погладив свое отражение по щеке, и вернулся к столу, сервированному на одну персону. Тарелка тончайшего антикварного фарфора – не пошлая современная штамповка, а настоящая старинная работа, сочетающая в себе стиль и благородство. Серебряные приборы, изготовленные особо, с личным вензелем, подчеркивающие высокое положение хозяина. Графин с дорогим красным вином и хрустальный бокал.

Электрическая люстра выключена, комнату освещают три свечи.

Ни золото, ни серебро, ни хрусталь, ни фарфор для проведения ритуала не требовались, но ему нравилось украшать таинство дорогим антуражем, нравилось создавать атмосферу мистического романа девятнадцатого века. Он был поклонником старой литературы и с любовью выстраивал пышные декорации, несмотря на то что суть происходящего заключалась в обыденном поглощении особо приготовленного кушанья. А все заклинания были произнесены во время приготовления блюда. Тогда вершилась магия, и сложная церемония шаг за шагом изменяла мир ради исполнения его желания, а сейчас... Сейчас ему предстояло просто съесть блюдо. В одиночестве. Запивая его превосходным красным вином с нотками ежевики и долгим послевкусием.

¹ «Колдовство», группа «Кукрыникисы».

– Ну-с, приступим, – он всегда начинал этот особый ужин такими словами.

Снял крышку с фарфоровой супницы, в которой плавало главное блюдо – не очень большой кусок вареного мяса, осторожно переложил его на тарелку и неспешно, словно священнодействуя, отрезал первый ломтик. Небольшой. Только для того, чтобы раззадорить аппетит.

Он положил кусочек в рот, тщательно пережевал, проглотил, запил глотком вина и замер.

– Прекрасно! – В этот момент он всегда делал короткую паузу, наслаждаясь открытием ритуала. – Прекрасно!

А вот затем случилось чудовищное преобразование.

Исчез элегантный «аристократ», в одиночестве ужинающий при свечах. Пропали благородная осанка и строгие жесты. Исчезла стать. Глаза мужчины выпучились, словно голову распирало изнутри, рот перекосило, а пальцы скрючились, и руки стали напоминать когтистые лапы хищной птицы. Мужчина отбросил приборы, вцепился в мясо и принялся с рычанием рвать его зубами. Проглатывал, не успевая прожевать, и тут же рвал следующий кусок, словно боясь, что кусочек отнимут и он останется без деликатеса. Мужчина перепачкал и лицо, и руки; сок и слюни стекали по подбородку на одежду, оставляя грязные следы на ней и скатерти, но мужчине было все равно.

Он жрал.

Словно изголодавшийся зверь. Он жрал, задыхаясь от счастья и жадности, урча и приптывая ногами, готовый убить любого, кто осмелится помешать, не чувствуя вкуса, но наслаждаясь каждым куском. Поглотив мясо, мужчина вылизал тарелку, затем вскочил на ноги, схватил супницу, припал к ней губами и, не отрываясь, выпил весь бульон.

Отрыгнул.

Вернул супницу на стол, большими глотками допил остававшееся в бокале вино, подошел к зеркалу, снова рыгнул и широко улыбнулся – проклятая морщина исчезла. А вместе с ней – неприятный запах из старческого рта и дряблая сухость кожи. Волосы остались седыми, но их здоровый блеск говорил о внутренней силе. Ритуал в очередной раз победил признаки увядания и наполнил тело мощью молодости.

Мужчина вытер лицо салфеткой и повернулся, услышав робкий стук в дверь.

– Войдите!

– Павел Аркадьевич, вы здесь?

– Да.

Галя приоткрыла дверь, проскользнула в комнату, подошла к вернувшемуся в кресло мужчине и остановилась, робко теребя подол коротенького пеньюара. Она жила в его доме не так давно, но хорошо знала, что нужно делать, чтобы возбудить мужчину.

– Я проснулась, а вас нет, – пролепетала девушка, не поднимая взгляд и всем своим видом напоминая напуганную школьницу. – Мне стало тревожно...

У мужчины раздулись ноздри.

– Подойди.

Он развязал пояс и распахнул халат. Девушка хотела встать на колени, но увидела, что этого не понадобится.

– Сюда!

Он развернул Галю спиной и притянул к себе.

Она вздрогнула. Устроилась удобнее и улыбнулась:

– Вы настоящий сердцеед, Павел Аркадьевич.

– Знаю. – Он погладил ее нежные округлости и повторил: – Знаю...

Punto

Этот дом должен был родиться в Питере: тяжелый, основательный, не очень высокий и угловатый, выстроенный массивным квадратом с узким двором-колодцем, – он выглядел чужим на московской улице. В городе, который даже сегодня иногда называют «большой деревней». Дом выглядел каменным гостем с берегов далекой Невы, некогда явившимся на дерзкий вызов древней столицы да заплутавшим среди Семи холмов. Выглядел сосредоточенным, подобно поднявшему щит рыцарю, выглядел готовым противостоять яростному ветру с залива, но вместо этого отмахивался от тополиного пуха да скучал, небрежно считая пробегающие годы.

Московское отражение Питера...

Особенно красивым дом становился в вечернем сумраке, опутанный таинственными тенями, резко подчеркивающими придуманные архитектором линии. Когда же ночь полностью вступала в права, запирая город в беспросветный мрак, дом становился крепостью. Арку перекрывали кованые ворота, запирались окна и двери, а тусклые фонари превращались в сторожей, не пускающих ночь во двор. Дом заботился о своих жителях, оберегал их, но получалось у него не всегда.

Далеко не всегда.

И в то полнолуние...

Нет. В то полнолуние жителям дома ничего не грозило, и он просто наблюдал: мрачный и молчаливый. Наблюдал, как заснули тусклые фонари-сторожа, сдавшись напору чернильной Тьмы. Как закружил по двору лютый ветер, меняя ткань привычной ночи на ее отражение, а на асфальтовом дне колодца вспыхнул нестерпимо-белым сиянием магический квадрат, внутрь которого вписался алый, как артериальная кровь, круг, испещренный черными символами заклинаний и защиты от них. Круг невиданной силы, собрать которую можно было лишь в Великое Полнолуние, круг удивительной и страшной трансформации.

Круг набухал вверх, беременный пузырем алого сияния, и когда он порвался – бесшумной вспышкой, заглянувшей в каждое окно зловещим отблеском, тучи неожиданно рассеялись, и прямо над колодцем встала удивленная Луна.

Огромная, очень близкая Луна.

Это было первое, что я увидел.

Отражение Солнца.

Красноватый шар, испещренный оспинами, висел надо мной, заливая двор ворованным светом. Тучи обегали шар, боясь задеть его раскаленные бока и тем нарушить магию Великого Полнолуния – одного из главных праздников Отражения, когда сильнейшие заклинания способны творить и жалкие неумехи.

Луна казалась такой огромной и висела так низко, что, взобравшись на крышу, я смог бы пнуть ее ногой.

Наверное.

Но тогда я просто смотрел на красноватый шар, не желая ему зла, а он отвечал равнодушно, не зная ни меня, ни моей боли, ни моей ненависти. Впрочем...

Я сам тогда их не знал.

А когда Луна наскучила, я попытался сделать шаг и выяснил, что ноги скованы холодными, как лед, колодками – невидимыми, но крепкими. Это стало неожиданностью. Я огляделся, изучая знакомый двор с пристальным вниманием. Двери и ворота заперты, огни погашены, городской шум запутался в темной вате магии и сна, и вокруг царит полнейшая тишина. Я стою в квадрате, нарисованном на асфальте двора светящейся белой краской. В квадрат вписан алый круг, испещренный черными символами и вскрытый кесаревым скальпелем, чтобы я

смог вырваться наружу. Обрывки круга испускают алое сияние, в котором прячутся мои ноги ниже колен. Видимо, там же прячутся и колодки. В углах квадрата догорают свечи. Их свет призрачен, ведь свечи заняли его у Луны. Воск вампирически бледен, потому что взят взаймы у Смерти и сейчас возвращается к ней, пропадая в асфальте двора.

Воск не плачет, он убегает.

Он меня боится. Не Смерть, а ее воск. Он убегает от меня, хочет вернуться к Смерти, ведь там безопасно – Смерть я не трону.

Во всяком случае, не сегодня.

Справа лежит мужчина. Лица не видно, но по фигуре и одежде я понимаю, что он молод. Скорее, юноша, чем мужчина. Навскидку – лет двадцать.

Мертвый.

Рядом с юношей стоит золотая чаша, до краев наполненная темной жидкостью. Похоже, он сцезивал в чашу кровь, ослаб, повалился на правый бок и умер. Поза свидетельствовала, что перед смертью юноша ерзал ногами по асфальту, но чашу, к счастью, не перевернул.

Чаша меня притягивает. Но она далеко, за границей круга.

Я поднимаю голову и осматриваю окна первого этажа. Они темные. В обычную ночь окна слились бы со стенами, но сегодня – Великое Полнолуние, тучи спрятались, красноватая Луна щедро делится ворованным светом, и стекла даже блестят, готовые разбиться или раствориться по моему желанию. Но я не желаю. Я поднимаю голову выше и осматриваю окна второго этажа, мимоходом пробегаю взглядом по третьему и... И неожиданно для себя замираю.

Что-то не так...

Я пристально смотрю на второе окно слева по дальней стене, а через несколько секунд вспоминаю:

– Ольга! – Мой голос оказывается хриплым и слабым, я откашливаюсь и повторяю с нежностью: – Ольга.

А в следующее мгновение вижу ее отчетливо. Ольга распахнула створку, чуть подалась вперед, грудью навалившись на подоконник, помахала мне рукой и крикнула: «Привет! Я сейчас!»

Я машинально машу в ответ.

Я поднимаю руку, улыбаюсь, машу несколько раз и замираю, как идиот, глупо таращась на поблескивающий стеклом прямоугольник. Второй слева.

Пустой.

Как будто мертвый.

Почему пустой?

Потому что ночь?

Я вновь смотрю на Луну, словно спрашиваю о происходящем. В ответ Луну равнодушно тошнит серебряными лучами.

В окне никого нет. Во дворе никого нет. Мир стал пуст и холоден.

Мне хочется выть.

– Ольга...

Одна из свечей догорела, алое сияние погасло, и магический круг помертвел, колодки исчезли, я выхожу из квадрата, делаю несколько шагов, с удовольствием разминая застоявшиеся ноги, подхожу к мертвецу, наклоняюсь и беру чашу.

В ней действительно кровь.

Теплая.

– Спасибо за твой дар, – произнес я слова, которые сами пришли в голову. – Я принимаю его и клянусь блюсти договор, чего бы мне это ни стоило: силы, времени или живота. Я сделаю, что обещал. Я поклялся.

Тогда я понятия не имел, что означают слова. Но если бы знал – все равно бы произнес, ведь в этих словах была моя суть.

Кровь оказалась густой и сладковатой, пить ее не доставляло удовольствия, но пришлось. А когда я одолел последний глоток, темный асфальт втянул в себя и квадрат, и круг, и символы, и свечи, и пустую чашу, которую я отшвырнул.

Остался лишь мертвец.

Неинтересно.

Я сделал шаг.

Смерть, собирающая воск, отошла в сторону, в тень. Решила вернуться за своей собственностью чуть позже.

Разумно.

Я огляделся.

«Где Ольга?»

Чутье подсказывало, что в квартире, которой принадлежит второе окно слева по дальней стене, ее нет. Но где она?

Почему не встретила?

Зажглись тусклые фонари. Над каждым подъездом и один – в арке. И в их свете я разглядел на стене искусное граффити: тяжелую собачью морду, грозную на вид, но при этом – неуловимо мягкую. Сторожа, а не бандита, сильного, но не злого. Я подошел к изображению, постоял, разглядывая собаку, затем протянул к морде руку и... И вовремя ее отдернул, не позволив себя цапнуть.

– Хитрый, – проворчала призрачная тварь.

Заклинание отпускало ее не дальше чем на полметра от стены, так что я находился в безопасности.

– Проголодался?

– Я не ем мяса, – ответил пес. – Я его рву.

– Я не чужой.

– Тебе здесь не рады.

– Ответь, где Ольга, и я уйду.

Пес посмотрел мне в глаза, оценивая искренность, рыкнул коротко, а потом неохотно протявкали:

– Я давно не видел Ольгу.

– Она переехала?

– Говорят, умерла.

У меня задрожали пальцы. Ее нет в окне, потому что она умерла? Может ли призрачная тварь лгать мне? А если может, то зачем?

– Ты видел похороны? – хрипло спросил я.

Пес понял мое состояние: в лающем голосе появились сочувственные нотки.

– Днем я сплю, – прогавкал он с сожалением.

– Ты видел похороны? – повторил я, глядя на дрожащую руку.

Мою. Правую. Руку.

Когда я думал, что Ольги нет, рука начинала дрожать. А внутри появлялось нечто настолько черное, что я боялся его больше, чем воск боялся меня.

– Я не видел похороны, – ответил пес.

– Закрой глаза и расслабься. Я не причиню тебе зла.

Он подчинился. И не цапнул, поскольку знал, что я могу навсегда стереть его со стены.

Он подчинился. Я положил руку на теплый лоб, почувствовал мягкость короткой шерсти, но заставил себя отвлечься от мешающих ощущений и сосредоточиться на том, что видел сторож арки, когда спал.

Дом тоскливо рыдает. Необычно мрачный, притихший от ужаса двор. Гроб. Люди в черном и белые цветы в их руках. Только белые цветы. Ольга любила белые цветы. Кроме одежды людей, все белое: цветы, гроб, рубашка, лицо, волосы... Все белое, кроме одежды людей и их настроения – они черные.

Ольга умерла.

Моя белая принцесса осыпана белыми цветами. Люди в черном плачут, молчат, некоторые переговариваются, но только для того, чтобы высказать горе. Люди ошарашены. Я пытаюсь разобраться в обрывках фраз, но это трудно. Я слышу горе, однако эти слова меня не трогают и не интересуют. Мне нужно другое.

Мне нужен след.

И я его получаю: «Преображенское кладбище», – произносит кто-то, и я узнаю, где ждет меня принцесса.

Моя любовь.

Преображенское кладбище.

Я делаю шаг назад. Пес открывает глаза и со страхом смотрит на меня. А я смотрю на руку. Она больше не дрожит. Она дрожала, когда я боялся услышать страшное. Я услышал. Страшное вошло в мою жизнь, изменило мою жизнь и сожгло все мои чувства, кроме одного.

А от ненависти я не дрожу.

Дом это понял и тихонечко вздохнул.

* * *

Какой была Ольга?

Красивой.

Веселой, доброй, нежной, ласковой, озорной, но в первую очередь – красивой. Настолько красивой, что щемило сердце. Настолько красивой, что невозможно было поверить в существование такой прелести. Настолько красивой, что собирала все-все-все взгляды вокруг. На нее оглядывались. Специально останавливались, чтобы полюбоваться. Ольга была прекрасным цветком старой Москвы.

Моя принцесса...

А еще она была чистой. В том самом значении, о котором вы подумали. Ольга так решила, и я не торопился, не желая разрушать наши отношения. Я был терпелив. Я знал, что Ольга предназначена мне. И Ольга это знала. И все вокруг. И мне казалось, что нет на свете силы, способной нас разлучить.

Мне казалось.

Я был глуп.

Зло все время таилось рядом, наблюдало, выжидало и однажды нанесло сокрушительный удар. Зло разрушило мою жизнь и сделало тем, у кого не дрожат от ненависти руки. Зло положило мою принцессу в белый гроб, и ему придется за это ответить.

Злу.

Зря оно со мной связалось.

Кем бы ни было это зло, со мной оно связалось зря. Потому что сегодня, в Великое Полнолуние, дорогу мне уступает даже Смерть.

– ...не поздно? – прозвучал вопрос, и только сейчас я понял, что человек за рулем о чем-то говорит.

И, кажется, он говорит мне.

Я поморщился.

Человек потребовался, чтобы оказаться на кладбище. Пешком до него далековато, поэтому я вышел на улицу, остановился на тротуаре, поднял руку, и на желтой машине подъе-

хал человек. Я сказал: «Преображенское кладбище», он назвал какую-то цифру... Я не помню, какую. Да это и не важно. Я кивнул, показывая, что принимаю условия, и мы поехали. Было тихо, я задумался, погрузился в мысли о принцессе, а теперь он меня отвлек.

Оторвать ему голову?

А кто будет вести желтую машину? Я-то не умею.

– Повтори... пожалуйста, – попросил я, поняв, что человек ждет ответа.

Он не заставил себя упрашивать:

– Говорю: не поздно на кладбище ехать?

– Мне еще рано.

Несколько секунд человек непонимающе таращился на меня, совершенно позабыв об управлении, но, к счастью, ночная дорога была пустынной, и мы ни в кого не врезались. Затем он рассмеялся:

– Это понятно.

– Уверен? – не сдержался я.

Человек поехал. Желтая машина слегка вильнула. Я понял, что человеку стало тревожно и, если продолжить в том же духе, он может выпрыгнуть из машины. От страха. А я не умею ее водить. Поэтому я улыбнулся – это должно было успокоить человека – и ответил на заданный пару минут назад вопрос:

– Не поздно.

И увидел, что мне удалось чуть-чуть снять напряженность: человек неуверенно улыбнулся в ответ, а машина перестала вилять. Пришлось добавить:

– Я по делу.

– А-а... – протянул человек.

Мне не очень хотелось говорить, но сейчас в том была необходимость.

– Деловая встреча. – Я поразмыслил еще. – Срочная.

– Тогда понятно.

Тут необходимо отметить, что мой рост в макушке немного превышает два метра, я широк в плечах, у меня крупная кость, на которой много мышц, и довольно тяжелое, не очень приятное, если честно, лицо. Я редко улыбаюсь. А сейчас у меня настолько плохое настроение, что улыбаться нет сил. Добавьте к этому прямые черные волосы до плеч. Черные глаза. Черную одежду: футболка, джинсы, ботинки и легкий плащ. Чокер из черной кожи, на котором болтается маленькая черная ладанка. Черные перстни: два на правой руке и три на левой.

Я выглядел мрачно, но затеянный разговор позволил сгладить возникшую напряженность.

– Скоро приедем, – сказал человек.

– Очень хорошо, – смиренно отозвался я, глядя на желтые от фонарей улицы. Искусственный свет бросал искусственные тени, создавая третий мир – ненастоящий. Не имеющий отношения ни к Дню, ни к Отражению.

Хорошо, что третий мир мертв, иначе бы я сошел с ума.

– У тебя есть деньги? – спросил человек.

– Гм...

Я знал, что такое деньги, понимал, что их потребуют, но не представлял, есть ли они у меня. Человек снова насторожился, и я опять задумался над тем, стоит ли его убивать. Или достаточно избить? Или напугать? Но кладбище совершенно точно не станет последним пунктом моего маршрута. В самом лучшем случае придется отправиться еще в одно место – к убийце, а скорее всего, не в одно. Человек из желтой машины был нужен, несмотря на приставание с разговорами и требование денег.

– Ты уснул?

Машина поехала заметно медленней, чем пару минут назад.

Вместо ответа я провел рукой по груди, нашупал бумажник во внутреннем кармане плаща, достал его, раскрыл и положил на торпеду три купюры, совершенно не представляя их ценность.

– Мы и обратно поедem? – Человек повеселел.

– Не сразу. – Я легонько потряс бумажником. – Тут есть еще.

Он сгреб банкноты и деловито поинтересовался:

– Тебя подождать?

– Да.

– Долго? – и тут же добавил: – За деньги, что ты заплатил, я могу стоять целый час.

– Вполне достаточно, – уверенно ответил я.

– Вот и договорились. – Мне было приятно чувствовать его радость и расслабленность.

Это были первые положительные эмоции, которые я «поймал» в Великое Полнолуние, и я мысленно поблагодарил за них человека. А он спросил: – Тебя к главным воротам?

– Они открыты?

Человек посмотрел на меня, как на идиота.

– Ты вообще знаешь, сколько времени?

– Ночь.

В этом я был уверен на сто процентов.

– Ты обкурился?

– Просто соскучился, – брякнул я первое, что пришло в голову.

– Тогда понятно. – Человек помолчал. – Тебе в какую часть кладбища? Оно большое.

– Приедем – вспомню.

Я ведь не был на похоронах, поэтому не смог ответить насчет частей. Разве что насчет тех частей, на которые я порву зло, спалившее мою душу. Но вряд ли сейчас нужно об этом говорить: человек еще не до конца мне поверил, он испугается.

– Я знаю проход внутрь... Он открыт в любое время дня и ночи.

– Буду благодарен.

В желтой машине установилась тишина, но долго ее терпеть человек не смог и через минуту осведомился:

– Кто у тебя там?

– Ольга, – ответил я, неожиданно не почувствовав неприязни к его любопытству, ведь человек спросил мягко. Понимая, что царапает.

– Девушка?

– Моя принцесса.

– Она умерла?

Я поднял руку и с удивлением посмотрел на дрожащие пальцы. Чужая мягкость вновь сделала меня слабым. Сочувствие напомнило, что, кроме ненависти, есть горе, и как бы я ни старался убедить себя в обратном, это не одно и то же. Я отвернулся к окну, вызвал в памяти прекрасную принцессу, спящую в белом гробу, и ровным голосом ответил:

– Она умерла.

Рука перестала дрожать.

– Прими соболезнования, парень, – проникновенно произнес человек. – Я вижу, ты ее любил.

– Нет, – с обретенным спокойствием ответил я. – Ольга была смыслом моей жизни.

И потому я без труда отыскал ее могилу.

Человек высадил меня у тайного прохода, я вошел внутрь, а оказавшись на территории мертвых, закрыл глаза и пошел туда, куда вело меня лихорадочно стучащее сердце. По аллеям, по тропинкам, мимо чужих оград и мертвых лиц, мимо камней и венков, к деревянному кресту,

воткнутому в свежий холмик. К груди белых цветов и фотографии, с которой на меня смотрела улыбающаяся принцесса, навсегда оставшаяся между девочкой и девушкой.

Я обнял холмик руками, прижался к нему щекой, закрыл глаза и сказал:

– Прости.

Я мог заплакать, но слезы означают горе, а я решил предаться ему после того, как обрету подлинное спокойствие. Я мог рассказать, как люблю ее и как мне плохо, но зачем мучить принцессу жалобами? А самое главное, я знал, что Ольге не нравится тот, кого она видит, и сказал то, что она хотела услышать:

– Прости, я не смог иначе. – А потом задал главный вопрос: – Кто это сделал?

Заливающий кладбище свет стал ярче, Луна помогала изо всех сил, магия Отражения закрипела надгробными плитами, зарычала невидимыми тварями, зашуршала осыпающимися могилами, но усилия оказались напрасными: ответа не было. Ольга промолчала. Возможно, не могла назвать имя. Возможно, не захотела. Потому что ей не понравился тот, кто к ней пришел. И если бы она могла, она бы заплакала.

Я знаю.

– Зачем? – услышал я в шелесте листьев.

Кладбищенские деревья передали вопрос моей принцессы, и я еще сильнее прижался к земляному холмику.

– Я не мог поступить иначе, Ольга, не мог... – Я открыл глаза и посмотрел на фотографию. – Прости, что приехал, но я должен был тебя увидеть, моя принцесса. Не в окне, втором слева по дальней стене, а здесь, в твоём новом доме. Я должен был увидеть тебя сейчас и сказать, что не успокоюсь, пока не сделаю то, что решил.

– Зачем? – На мою щеку упала холодная капля. Возможно, слеза. – Зачем?

Я поднялся и пошел прочь.

– Я вернусь, моя принцесса, и тогда буду валяться у тебя в ногах, вымаливая прощение. Тогда. Но не сейчас. Сейчас ты не сможешь меня остановить, моя душа, потому что ты умерла.

Моя душа умерла.

Во всех смыслах, Ольга, во всех смыслах.

Я уходил, с трудом представляя, что делать дальше, и стук молотка, отчетливо слышимый в ночной тишине, стал для меня спасением. Я пошел на него, догадываясь, кого увижу, и не ошибся: в гранитной мастерской горел свет, а Мастер Скорбных Дел сосредоточенно работал над надгробием. Камень был обыкновенным: прямоугольный, красивый, полированный спереди и с нарочито грубоватыми торцами. На лицевой стороне я увидел невнятную, расплывшуюся фотографию, сделанную, по всей видимости, с очень старого оригинала, и выбитые буквы: «БЕЗЛИКИН Савелий Григорьевич». Вроде, обычный камень, но вниз от него шел длинный, почти двухметровый штырь, заканчивающийся массивным, тщательно отделанным наконечником. Штырь походил на стрелу, и я не удержался от вопроса:

– Для кого?

– Для того, кто не должен подняться, – ответил Мастер, не отвлекаясь.

– Заказали?

– Для удовольствия делаю.

Я понял, что не нравлюсь ему, но плевать на это хотел.

Я никому не нравлюсь.

Потому что всех трясет от страха, когда я рядом.

Даже Смерть.

Мастер Скорбных Дел – профессия редкая. Его зовут к мертвым, к разным мертвым и с разными целями: одни мертвые не были готовы, другие никак не желали успокаиваться, третьи досаждали соседям – в Отражении случается всякое. Мастеров уважают. Однако выглядел конкретно этот специалист весьма обыденно: невысокий, худой, губы тонкие, бледные, глаза

серые, нос острый, как у мыши, а на носу – очки в тонкой металлической оправе. Волосы бесцветные и редкие, с сединой. Одет в грязную робу и стоптанные башмаки, а вот руки – твердые, рабочие. Руки мастера.

– Слышал про Ольгу? – спросил я, без спроса присаживаясь на грязный табурет.

Он долго смотрел на меня, взвешивая, стоит ли отвечать искренне и на что я способен, почувствовав ложь, после чего сообщил:

– Меня звали освободить ее от тьмы...

– В ней не было тьмы! – не сдержался я.

– ...которой ее убили, – спокойно закончил он.

Он помолчал, а потом провел рукой по камню, с которым работал. Жест получился нервным, будто Мастер просил у меня прощения за дурную весть.

– Кто убил? – глухо спросил я.

– Не знаю.

– Кто позвал тебя?

– Не знаю.

А вот такого ответа я не ожидал:

– Как это?

– Я не всегда знаю, кто меня зовет, – объяснил Мастер. – Я получил пакет, в котором была просьба и положенная сумма золотом, отправился по адресу и сделал работу. – Он выдержал короткую паузу. – Я сделал работу хорошо. Ольга чиста.

– Спасибо.

Он с достоинством кивнул, после чего указал на камень:

– Я должен закончить надгробие до рассвета.

Так Мастер сказал, что мне пора убраться. Впрочем, я и сам понимал, что убийца не станет заботиться о посмертных делах жертвы, а значит, помочь мне Мастер не в состоянии. Я понимал, но медлил, потому что убираться мне было некуда. Но и терпеть его недовольный взгляд не мог.

Стыдно мешать профессионалу.

– Прощай.

Я поднялся на ноги, но сделать шаг не успел.

– Тебе нужен Скупщик, – произнес Мастер, берясь за инструменты. – Он любит такие истории и хорошо за них платит. Но будет ли он говорить с тобой?

– Ты ведь поговорил, – я улыбнулся. – Значит, поговорит и он.

* * *

– И? – спросил человек, когда я сел в желтую машину и назвал новый адрес. – Как все прошло?

Ответ получился коротким:

– Ольга умерла.

Человек опешил, несколько мгновений хлопал глазами, а затем бестактно уточнил:

– Были сомнения?

Но я уже свыкся с тем, что он глупый и злиться не стал. Ответил:

– До сих пор – да. Но я встретил Мастера Скорбных Дел, а он врать не будет.

– Гробовщика? – Человек завел машину, и мы плавно тронулись с места.

– Мастера Скорбных Дел, – повторил я.

– Патологоанатома?

– Нет.

Я вздохнул.

В чем смысл расспросов? Ты услышал ответ, ты понял, что ничего не понял, так заткнись и вези меня по адресу. Не раздражай.

Человек же, словно прочитав мои мысли, постарался объясниться:

– Мне интересно.

В его устах фраза прозвучала обиженно, то есть следовало продолжить разговор, и помолчать, как я хотел, покидая кладбище, не получилось.

– Держись от этого подальше, – посоветовал я, припомнив подходящую фразу из какого-то фильма.

– Я ведь с тобой мотаюсь, – удивленно напомнил человек.

– Но при этом держись подальше: приехал, подождал, поехал. Не вникай.

Он поерзал, переваривая тревожную информацию, но не сдержался, вновь полез с расспросами:

– У вас игра, что ли? Я слышал о таких: квест называется. И ты, похоже, оттуда.

– Откуда? – не понял я.

– Из квеста, – объяснил человек. – Сначала в тех домах шатался, потом кладбище, теперь новый адрес...

Квест – приключение – игра...

«Ролевая игра, – услужливо подсказала память. – Городская ролевая игра».

Придуманное объяснение заметно успокоило моего спутника, и, поразмыслив, я не стал его разочаровывать:

– Да, игра.

В конце концов, эта глупость объясняла все.

– Вот! – человек хлопнул ладонью по баранке. – Я ведь вижу, что ты ведешь себя необычно. И не наркоман, вроде... А ведешь необычно.

Человек покосился на мою одежду, но промолчал, не добавил ее к списку странностей.

– Мне было неудобно признаваться, – уточнил я, желая сделать ответ как можно правдоподобнее. У меня получилось.

– Стеснялся, потому что взрослый? – переспросил человек.

– Да.

– Сейчас все играют. – Он коротко ругнулся. – Муж сестры совсем рехнулся, сидит в мобильных игрушках компьютерных, только о них и говорит, с детьми в парке два года не был, баран. Как ни спросишь, все ему некогда. То эльфов каких-то гоняет, то в танчики рубится...

Человек снова ругнулся. Я понимал его через слово, но чувствовал, что должен согласиться, и продолжил участие в диалоге:

– Не люблю компьютеры.

– Во-во... – Он посопел. Потом поинтересовался: – Тебя ищут?

– Я ищу.

– Сокровище какое-нибудь? Типа деревянный ящик, внутри которого лежат пластиковые безделушки?

– Я ищу человека.

На самом деле я не был уверен, что убийца – человек, но не хотел путать глупого собеседника нюансами Отражения.

– Он убегает?

– Он не знает обо мне. – Я непроизвольно улыбнулся. – Это будет сюрприз.

Кажется, в моей улыбке было что-то неправильное, потому что человек вздрогнул. Через секунду он вспомнил, что мы говорим об игре, чуточку расслабился и уточнил:

– Ему понравится?

– Он голову потеряет от радости, – пообещал я. И поскольку желтый автомобиль остановился, спросил: – Мы приехали?

- Да.
- Будешь ждать?
- Тебе ведь нужна машина?
- Нужна.
- Тогда подожду.
- Хорошо. – Я выдал человеку еще три банкноты. Больше, чем следовало, но гарантировало, что он подождет. Человек был жадным. – Я скоро.
- Можешь не торопиться. – Он зевнул.

Магазин Скупщика помещался на первом этаже старого двухэтажного дома по Старопименовскому. Настолько старого и корявого, что было удивительно, как он ухитрился выжить в центре, где каждый квадратный метр тщательно изучается на предмет захвата или покупки. Дверь в магазин вела со двора и была настолько обшарпанной, что ее принимали за вход в дворницкую. Окна защищали крепкие решетки, а стекла покрывал толстый слой краски. Сам Скупщик проникал на рабочее место или рано утром, или поздно вечером и часто пользовался подземным ходом, ведущим в подвал соседнего дома. Скупщик не был параноиком, никого не боялся и ни от кого не скрывался. Он просто не любил людей и старался встречаться с ними как можно реже.

Дверь оказалась не запертой, открылась легко, без скрипа, и колокольчик на ней не висел – ничто не нарушило царящую в коридоре тишину. Однако видимая беззаботность была обманом: Скупщик узнал о моем появлении в тот самый миг, когда я взялся за ручку. Но виду не подал, поскольку работал с клиентом. Я услышал их голоса, сделав пару осторожных шагов по темному коридору, заставленному пыльными ящиками, стопками перевязанных бечевками книг и даже старой мебелью. На левой стене висел велосипед «Турист» черного цвета, без переднего колеса, а напротив – аляповатая картина, изображающая треугольный пакет молока. Правый нижний угол картины погрызли мыши.

Ухитрившись бесшумно преодолеть коридор, я остановился на пороге комнаты и молча оглядел сидящих за столом мужчин. Скупщик оказался неприятным стариком, одетым в зеленую бархатную курточку, из-под воротника которой кокетливо выглядывал зеленый шейный платок. У него были длинные седые волосы, прядями свисающие на уши, длинный нос, бледные губы и бесцветные глаза. Посетитель сидел ко мне спиной, и я увидел только лысину, толстую шею и кожаную куртку.

Над столом нависала тусклая, похожая на керосиновую лампа. Пахло табаком – в толстых пальцах посетителя дымилась сигарета, пепел которой он стряхивал в невидимую мне пепельницу.

Скупщик бросил на меня быстрый, незаметный для собеседника взгляд, но тут же вновь сосредоточился на клиенте. Так я стал невольным свидетелем их беседы.

– Все равно не понимаю, – произнес лысый. Голос у него был неприятный, слишком высокий для такой туши. – Что ты хочешь купить?

– Зло, которое ты причинил, – терпеливо ответил Скупщик. Очень терпеливо. Видно, что не в первый раз.

– Мой грех? – уточнил лысый.

– Твой грех останется твоим грехом, и ты будешь сам с ним разбираться. Я хочу купить зло. Не грех убийства, а само убийство, тьму, которую ты принес в мир. Грубо говоря, я хочу купить всего лишь слово.

Старик свел перед собой пальцы и поднял брови, показывая, что ждет ответа.

Лысый глубоко затянулся, дунул дымом в низкую лампу, помолчал и поинтересовался:

– Зачем оно тебе?

– Считай это моей причудой. – Скупщик улыбнулся. Улыбка получилась отталкивающей. Наверное, такой же, как моя. – Есть вещи, в которые я верю, и за обладание ими предлагаю тебе настоящие деньги.

– Ты из какой-то секты?

– Да.

– Я так и подумал.

Современный мир наполнен таким количеством условностей, настоящее так тесно переплетено с вымыслом, что многие люди начинают всерьез путать реальность с виртуальностью. Человек в желтой машине убедил себя, что я играю, и немедленно выбросил из головы очевидное подозрение в том, что я – убийца-психопат. Лысый догадывался, что прикоснулся к чему-то настоящему, но запретному, к древней тайне, способной изменить его жизнь, но... Но парой слов старик придал его мыслям нужное направление, и теперь лысый уверен, что общается с чокнутым сектантом.

Мир делает все, чтобы Отражение чувствовало себя комфортно.

– Вера важна для меня, – продолжил Скупщик. – Я верю, что должен собирать причиняемое людьми зло.

– Чтобы очистить мир?

– Да.

Лысый кивнул, показывая, что понял услышанное, помолчал, потер толстой ладонью затылок и осведомился:

– Как это будет выглядеть?

– Ты просто скажешь, что отдаешь зло, а я заплачу оговоренную сумму.

– И все?

– Тебе станет легче, – мягко добавил Скупщик.

И добавил зря.

– А если я не хочу, чтобы мне становилось легче? – Лысый задал вопрос таким тоном, что я вздрогнул. От неожиданности, конечно, не от страха. Вздрогнул и подумал, что вижу весьма неприятного зверя. Лысый же раздавил окурок в пепельнице и продолжил: – Я хочу чувствовать тьму, которая у меня внутри. Мне нравится этот груз.

– Убей снова и возвращайся.

– К тебе?

– Почему нет? – пожал плечами Скупщик. – Почему не обратить слово в деньги? Снова.

И выложил на стол нераспечатанную банковскую пачку. Лысый сглотнул. Скупщик улыбнулся. Я с трудом удержался от зевка.

Деньги – еще один способ заставить их закрыть глаза на что угодно.

– Думал, ты блефуешь, – тихо произнес лысый, не сводя глаз с пачки. – Глупо платить такие деньги за одно слово.

– Мы договорились?

– Что я должен сделать?

– Возьми меня за руку и повторяй. – Скупщик стал очень серьезным: – Я принес в мир зло...

– Я принес в мир зло.

– Я сделал это намеренно...

– Я сделал это намеренно. – Голос лысого окреп. – Я не раскаиваюсь в том, что сделал...

И являюсь единоличным владельцем совершенного зла... И я отдаю его...

– Я принимаю твоё зло, – тихо закончил Скупщик, отпуская руку убийцы.

Ритуал завершился, но ничего не изменилось. Не грянул гром. Не ударила молния. В комнате не стало темнее или светлее. Обыденность происходящего могла навести лысого на подозрения, но он был слишком увлечен деньгами – жадно схватил со стола пачку и спросил:

- Мы в расчете?
- Да, – подтвердил Скупщик.
- Прощай.
- До встречи.
- Уверен, что я вернусь?
- Обязательно.
- Посмотрим.

Я нащупал в стене нишу, спрятался в ней и замер, пропуская мимо себя довольного, как обьевшийся оборотень, лысого. А услышав ехидное:

– Долго будешь стоять? – покинул убежище и вошел в комнату. И по взгляду понял, что старик не рад меня видеть. Впрочем, я стал привыкать к тому, что не вызываю восторга.

- Тебе нечего мне продать, – хмуро сообщил Скупщик. – Пока.
- Я и не собирался.
- Тогда зачем ты здесь?

– Поговорить. – Я уселся на стул, еще хранящий тепло лысого, и приятно улыбнулся. – А правда: зачем тебе зло?

И мысленно поздравил себя с идеальным началом разговора: мне удалось удивить собеседника. Старик поднял левую бровь, пожевал бледными губами, но ответил:

- Ты знаешь, что такое зло?

Судя по всему, его не часто баловали задушевными разговорами.

- В философском смысле?

И снова – в точку.

– Прекрасный ответ, – медленно ответил Скупщик, машинально поправляя шейный платок. – Все знают, что зло – всего лишь слово, означающее некое действие. Но действие имеет другое имя: убийство, насилие, предательство... И это все – зло. Всякий раз, когда совершается убийство или насилие, вокруг становится немного темнее. Незаметно. Но становится. Иногда мимолетно: пробегает тень, которую тут же смывает светом. Иногда – навсегда, делая весь мир тусклее на мизерную долю... Совершивший зло человек делает все вокруг темнее, просто наш мир силен и пока справляется... Черный огонь зла поглощает равное количество света, обрекая силу Тьмы. Я забираю эту силу и продаю тем, кто способен управляться с ней.

- А их собственная сила? – кашлянув, спросил я.

– Тоже есть, – кивнул Скупщик. – Но чем больше, тем лучше, разве не так? – Он повернулся и повел рукой вдоль стены: – Посмотри на мою коллекцию. Здесь, разумеется, далеко не все, только лучшие образцы. Самые насыщенные... Посмотри!

И я вздрогнул во второй раз, поскольку только сейчас разглядел за его спиной стеллажи темного дерева, уставленные склянками, мензурками, колбами и бутылочками с запредельно темным содержимым. Внутри одних флаконов вился черный газ, в других зло достигло концентрации жидкости, в третьих, самых пыльных, напоминало густой сироп. Наверное, где-то там, в глубине коллекции, лежали и глыбы зла, но я их не видел.

Зато понял, что слова, которые собирал Скупщик, обращались в самую Тьму.

– А вот и сегодняшний улов, – он повел перед собой рукой, и посреди стола, прямо под лампой, появилась колба тонкого прозрачного стекла, внутри которой билось миниатюрное темное облачко. – У меня большие надежды на этого клиента. – Скупщик задумчиво провел пальцем по стеклянной пробке, проверяя, надежно ли она закрывает колбу. – Он принесет много интересного товара. Он прирожденный убийца.

И эти слова напомнили мне о деле.

– Пару месяцев назад пятнадцатилетней девочке Ольге вырезали сердце, – произнес я, глядя старику в глаза.

- Та история попала в газеты, – ответил он, выдержав мой взгляд.

- Ты покупал зло ее убийства?
- Почему я должен отвечать?
- Потому что я кое-кого ищу.
- Не буду спрашивать, зачем.
- Благоразумно.

Мы помолчали. Он просчитывал варианты, я ждал ответа. Потом он стал прикидывать, сможет ли выдержать пытки, если проиграет схватку. Потом мы вместе подумали, что после пыток я его убью, магазин сожгу, уникальная коллекция погибнет, и невыносимая мысль ее потери заставила Скупщика сделать правильный выбор.

- Я покупал тьму того убийства, – сообщил он, глядя на меня холодно.
- Кто продал?
- Не могу сказать.

– Если ты боишься убийцу, это обстоятельство скоро изменится, – произнес я. – Наша встреча станет для него последней.

- Или для тебя, – буркнул Скупщик.

– Или так, – я решил не затевать глупый спор и не бахвалиться. Скупщик был стар, сидел в своей норе и не видел того, что видело все Отражение: как Смерть уступила мне дорогу. – Но сейчас важна не следующая встреча, а эта.

Старик правильно понял намек и объяснился:

– Я отказываю не потому, что не хочу раскрывать личность убийцы, а потому, что не могу ее раскрыть. Твой враг осторожен. Полагаю, он известный в городе человек и вынужден тщательно скрывать свою истинную суть. Клянусь: я не знаю имени.

Скупщик не лгал, я это чувствовал и совершенно растерялся. Время утекало, Великое Полнолуние стремилось к обыденному рассвету, а я никак не мог напасть на след. Неужели все напрасно?

- При этом твой враг патологически хвастлив, – размеренно продолжил старик.
- Он не первый раз продает тебе зло, – догадался я.
- Он убивает несколько раз в год, – подтвердил Скупщик.
- Почему ты его не знаешь?

– Потому что он умеет проводить ритуал. Мне приходит посылка со склянкой, а я отправляю обратно золотые монеты. Причем обратный адрес всегда разный, но... Но ему не нужно золото, я уверен. Ему приятно, что я искренне восхищаюсь тем дистиллированным злом, которое он шлет. Высочайшей пробы. Удивительной насыщенности. Это образцовое зло. Абсолютное.

След потерян... Ольга, прости, я не смог...

Однако следующие слова вернули мне надежду.

– Только в этот раз он зря продал зло, – сообщил Скупщик, покусывая бледные губы. – В этот раз ему следовало превозмочь свою гордыню.

- Почему? – насторожился я.

– Потому что склянку сразу купили, – ответил старик. – Больше того: покупатель приехал ко мне через три часа после убийства и сказал, что купит зло, сколько бы ему ни пришлось ждать. В его глазах стояли слезы, но голос был тверд. Он сказал, что убьет меня, если я осмелюсь его обмануть, и добавил, что даже Молох поседет, увидев, как именно он меня убьет. – Скупщик вновь покусал губы. – Я рассказал покупателю все, что только что рассказал тебе, и продал склянку сразу, как только она у меня появилась.

- Кто покупатель? – хрипло спросил я.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, разделенные лишь потоком тусклого света, затем Скупщик раздвинул рот в неприятной усмешке и ответил:

- Кто купил – не важно, значение имеет то, для кого купили зло того убийства!

Он ткнул в меня кривым пальцем, и я почувствовал, как тяжелеет черный чокер, обретая силу Тьмы, и прошептал:

– Нет...

– Зло отдали тебе! – яростно прокаркал старик. – Тебе!!

И разразился безумным смехом, а я...

Я закричал.

* * *

Было время, когда я водил Ольгу гулять. Я ведь старше на шесть лет... Был старше на шесть лет... Я был старше Ольги на шесть лет, и в какой-то момент мне стали разрешать водить ее на прогулки. Мои друзья играли в футбол, в «казаки-разбойники», дрались с соседними дворами... Нет, я тоже играл, дрался, пробовал курить и хулиганил. Но при этом не отказывался от просьбы «погулять с Олей». Друзья меня жалели, считали, что меня «припахивают», а я был счастлив и наслаждался каждой секундой, проведенной в обществе моей принцессы.

Как будто уже тогда знал, что счастье не будет долгим.

Как будто знал...

Сначала мы не уходили дальше соседних дворов по родной Тверской, но постепенно вылазки стали все более и более долгими. Мы ходили на Красную площадь, гуляли в Александровском саду и просто вокруг Кремля, путешествовали по набережным, добирались до Патриарших и Чистых прудов, исследовали Нескучный сад и истоптали весь зоопарк.

Я помню свет, который дарила миру моя принцесса. Помню ее восторг при виде жирафа и радостный смех на берегу пруда, брызги воды, снова смех. Помню, как учил кататься на велосипеде и бежал следом, слыша восторженное: «Я еду! Еду!» – помню, как читал ей вслух, сидя на лавочке. Конечно же, у нас была «своя» лавочка на бульваре.

Я помню.

Я всегда был рядом, а Ольга знала, что я всегда буду рядом. Однажды мы возвращались из похода в Новодевичий монастырь... Ольге тогда было одиннадцать... В подъезде она взяла меня за руку, по особому взяла, не как обычно, когда просто гуляла... Она взяла меня за руку, посмотрела в глаза и спросила: «Мы поженимся?» Я ответил: «Обязательно...»

– Чертов козел!

Подрезавшая нас машина уже умчалась, человек прокричал ей вслед еще несколько грубых выражений, а я понял, что задремал. Провел по лицу рукой, снимая остатки сна, и спросил:

– Скоро приедем?

– Скоро. – Человек помолчал, а затем неожиданно сообщил: – Ты улыбался. – И добавил: – Не как обычно, а по-доброму. Ты улыбался очень красиво. Будто снова был счастлив.

Я посмотрел на руку – она не дрожала. Посмотрел и ответил:

– Мне снился хороший сон.

– Я так и понял.

– Простить невозможно!

Я вздрогнул, резко обернулся к человеку, но, уже поворачиваясь, понял, что голос принадлежал не ему. А человек, похоже, уже успел привыкнуть к моим выходкам, не отпрянул, не вскрикнул, а кивнул на приборную панель и спокойно объяснил:

– Радио. Выключить?

Потянулся к кнопке, но я мягко перехватил руку:

– Не надо.

– Простить невозможно, – задумчиво произнесло радио приятным мужским голосом. – Боль, страх, насилие, смерть – как их можно простить? Пережитый кошмар всегда будет рядом,

всегда будет жечь изнутри, напоминая: «Это было». И напоминая, КАК это было. Ты действительно сможешь примириться с тем, что рвет тебя? Сможешь? Сможешь. Если забудешь. Другого способа нет. Простить по-настоящему означает забыть, только так и никак иначе. Если ты сочтешь, что обидчик искупил вину, искренне раскаялся, попытался исправить содеянное, – нужно забыть. И приказать себе никогда не возвращаться в мыслях к тому эпизоду. Потому что, пока ты помнишь, – ты не прощаешь.

– Жестоко, – хмыкнул я. – Что за программа?

– «НАШЕ радио», «Первый Полночный», – ответил человек. – Сейчас об этом парне все говорят.

– Почему?

– Ты не слышал? – удивился человек.

– Нет.

– Он убил маньяка, который схватил его подругу. Маньяк транслировал убийства в сеть, на свой канал, а Кирилл его выследил и убил. Все видели, как он это сделал.

– Странно, что его оставили на радио, – брякнул я. – Да и вообще: его высказывания больше подходят убийце.

– Он рассуждает с разных точек зрения, – объяснил человек. – Пока ты был в том доме, он говорил, что прощение – очень важно. Что это единственный способ не потерять себя.

– Правильно говорил, так и есть, – кивнул я. – А еще прощение требует огромной силы. Чудовищной силы. Такой у меня никогда не было и никогда не будет.

– Он тоже так говорил.

– Значит, он знает.

Мы помолчали, а затем человек спросил:

– Ты не простил?

Наш разговор должен был прийти к этому вопросу, поэтому я ответил честно:

– Нет. – И уточнил: – Я убью.

Он догадывался, что услышит, поэтому моя искренность произвела на человека правильное впечатление – он уже знал, что может мне доверять. Он не вздрогнул. Машина не вильнула. Мы ехали, как ехали.

Потом человек задал следующий вопрос:

– За дело?

– Он вырезал сердце пятнадцатилетней девочке.

– Ольге?

– Да.

– И откупился от тюрьмы?

– Его не нашли.

– А ты найдешь?

– Я уже рядом. Я очень, очень близко.

Для оптимизма не было оснований, но я искренне верил в свои слова. Я чувствовал, что так есть. Так должно быть, ведь я – сын Великого Полнолуния, а оно дарит своим детям огромную силу. Этой силы недостаточно для прощения, но хватит, чтобы найти и убить. Я еще не знаю, где, не знаю, кого, но сила приведет меня.

Я верну зло тому, кто сделал мир темнее.

И сжег мою душу.

– Мы приехали.

Я снова полез за бумажником, но человек покачал головой:

– Больше пока не плати – не надо.

Я улыбнулся, надеюсь, дружелюбно, и спросил:

– Стало интересно?

– У меня никогда не хватало сил ни на месть, ни на прощение, – честно и очень грустно ответил человек. – Я слаб.

– У каждого свой путь, – сказал я, глядя ему в глаза. – Твоя сила в другом.

– Может быть, – не стал спорить человек. – Поэтому я помогу тому, кому хватило сил хотя бы на месть.

– Спасибо.

Я кивнул, прошел во двор, куда запретил въезжать человеку, и сразу увидел нужную дверь. Она была намного лучше и «богаче» двери в магазин Скупщика, но тоже не привлекала к себе внимания, и если бы не два бойца на лавочке, я бы не догадался, что мне именно сюда.

«Яомо, – пришло в голову определение. – Кажется, вторая их ипостась – леопарды».

Опасные противники.

Но не для меня сегодня.

А выглядели парни скромно: невысокие, худые, спокойные, неприметно одетые. Ко мне – традиционно недружелюбные. И тут, не скрою, я испытал некоторую детскую гордость: насколько же опасным существом надо быть, раз даже эти лютые оборотни испытывают при моем появлении тревогу?

– Ты уверен, что тебе сюда можно? – дерзко спросил тот яомо, что справа.

– Я уверен, что мне сюда нужно, – ответил я. – Все остальное – не важно.

Левый оборотень забубнил вопросы в рацию, но прежде, чем ему ответили, я распахнул дверь и стал спускаться по длинной лестнице в подвал. Останавливать меня никто не стал. Все-таки благоразумие – одна из основных черт обитателей Отражения.

Внизу справа я увидел небольшой бар, за стойкой которого дремал усталый пьяница, а слева стояли четыре столика, три из которых были заняты. Посетители смотрели на меня молча и немного напряженно, наверное, потому, что от меня пахло кладбищем. Или злом.

Второй зал был отдан под открытую кухню, здесь стояли рабочие столы, горел огонь на плитах и бегали повара-китайцы. Некоторые посетители наблюдали за таинством приготовления пищи, некоторые принимали в нем участие, но, поскольку почти у всех присутствующих были ножи, на меня они смотрели куда спокойнее, чем гости предыдущего помещения. Затем последовали еще два зала, в третьем оказался выключен свет, я преодолел его почти на ощупь, а за ним расположилась большая и совершенно пустая сейчас курительная комната с кальянами и сигарами.

Нет, не совсем пустая.

В курительной комнате меня поджидала спортивного сложения девушка, дерзкая на вид и опасная. Опасная и на вид, и на самом деле. Она была одета в майку на голое тело, рваные джинсы и легкие армейские башмаки, необычайно удобные в драке. Из-под вязаной шапки выглядывают каштановые волосы. Карие глаза смотрят дружелюбно. Лицо узкое и весьма приятное, пожалуй, при других обстоятельствах я мог бы увлечься. И множество татуировок. Тонкие руки девушки покрыты ими полностью, а некоторые вылезали на шею, целясь в левое ухо. А вот на теле, насколько я мог видеть сквозь тонкую ткань майки, татуировки отсутствовали напрочь.

– Налюбовался?

– Ты – Порча?

– Я знаю.

– Ты купила зло у Скупщика.

– Я знаю.

Я не угадывал – информация стала поступать, как только я увидел девушку.

– Зачем ты это сделала?

– Присядь. – Она кивнула на кресло. – Не люблю смотреть на тех, кто выше.

Ну, не любит, так не любит. Мне ничего не стоило оказать девушке любезность, и я опустился в предложенное кресло.

– Зачем ты это сделала?

– Затем, что Ольга была моей двоюродной сестрой.

«Точно! Как я мог ее не узнать?»

Впрочем, у меня имелось смягчающее обстоятельство: мы нечасто виделись. Лена, которую здесь звали Порча, была старше меня на два года. К тому же она жила в Крылатском, так что виделись сестры редко. А уж я с Ленкой – тем более.

Но тогда я ничего не знал об Отражении.

А сейчас многое понял.

– Ты наняла Мастера Скорбных Дел?

– Убийца оставил в Ольге много Тьмы, – ответила она. Голос Порчи прозвучал спокойно, но я хорошо расслышал отголоски бури, что бушевала у нее внутри. – Сейчас с Ольгой все в порядке. – Она запнулась, поняв, как неловко прозвучала фраза, и добавила: – Ну, ты понял.

Конечно, я понял. И ни в коем случае не собирался обращать внимание на оговорку.

– Спасибо.

– Я должна была это сделать, раз ты не мог.

– Я...

Да, я не мог. Последние два месяца я провел в больнице: сначала в коме, потом восстанавливаясь. Я бы не смог, даже зная об Отражении и о Мастере. А я не знал.

Тогда не знал.

Теперь я знаю Отражение, знаю свое прошлое и начинаю вспоминать то, что было перед комой. Начинаю делать то, ради чего Ленка отправила меня в ночное путешествие по Москве, – начинаю искать зверя.

– Ты должен был узнавать постепенно, а потом прийти сюда и рассказать мне.

– Рассказать что?

– Кто убийца?

– Убийца должен умереть.

– Кто убийца?

– Я не знаю...

– Знаешь! – неожиданно рявкнула она. – Знаешь!

– Нет!

– Вспомни! – Она подскочила, и мне прилетел хук слева. Увесистый. Но я не защищался. Мотнул головой и почувствовал во рту привкус крови. Еще один удар. Я не защищаюсь. Я знаю, что так надо. – Вспомни, черт бы тебя побрал! Его называют Сердцеедом! – Чокер выпускает зло, и мою разбитую голову окутывает туман. Он не душит, но дышать становится тяжело. – Сердцеед жрет сердца детей, чтобы продлить себе жизнь. Он убивает давно и скоро убьет снова! Вспомни, урод! Вспомни!! Вспомни хоть что-то! Дай мне след, сволочь! Дай мне хоть что-нибудь, и я его найду!

Она тоже не могла простить. И кричала так, словно от этого зависела ее жизнь.

Великое Полнолуние вбивало в меня зло смерти моей принцессы, Мастер Скорбных Дел точил плиту, которую не сдвинуть, а Скупщик медленно цедил из бокала изысканное черное. Я был нужен, чтобы сплести День и Отражение. Я не только сын Великого Полнолуния – я ребенок лютого гнева и чудовищной скорби.

Я – осадок, что выпал в дистиллированном зле убийства.

Я вспомнил.

Но сначала я вспомнил Порчу. Как она приходила в больницу и говорила что-то правильное, что-то очень-очень правильное. Я лежал перебинтованный, склеенный гипсом, слушал то, что говорила Порча, и соглашался с каждым ее словом. Потом Ленка стала говорить

странные вещи. Говорила, что полиция никогда не поймает убийцу. Говорила, что он колдун по прозвищу Сердцеед, говорила об Отражении и о том, что никак иначе эту мразь не достать. Я не верил. Но когда Порча вывела меня из комы и срастила сломанную в трех местах руку – все изменилось.

Ленка сказала, что есть лишь один способ отыскать и наказать убийцу.

А я очень хотел его отыскать.

И наказать.

– В ладанке – земля с могилы Ольги, – Порча указала пальцем на чокер. – Я зашила землю в обрывок одежды, которая была на Ольге в момент смерти. В тебе зло ее убийства – я взяла его у Скупщика. Ты набрал силу Великого Полнолуния и знаешь, чего хочешь. Ты хочешь этого больше всего на свете. Так узнай!

Я закрыл глаза.

– Вспомни то, чего никогда не видел! Вспомни, как вспомнил могилу Ольги! Вспомни, урод! Дай мне след!

Дом. Хороший дом на престижной улице в старом центре Москвы... Я вхожу в подъезд... Или это он? Не важно. Мы входим в подъезд, поднимаемся по лестнице на третий этаж и отпираем дверь в квартиру. В прихожую впархивает прелестная, совсем юная девушка. «Павел Аркадьевич, я не ждала вас так рано!» Девушка целует нас в губы, и я чувствую, что хочу ее прямо здесь, в прихожей. Она отзывается на мое желание. Я улыбаюсь... Бросаю взгляд в зеркало и вижу себя. Я – крепкий мужчина в самом расцвете. Опытный атлет. Не юноша, но до старости мне далеко, я держу себя в великолепной форме. Не красавец, но и не урод.

У меня красивые седые волосы.

«Здравствуй», – шепчу я себе.

Но я себя не слышу...

– Ты вспомнил?! Ты узнал?

Видение исчезло.

– Кто убийца?

Я смотрю на руку. Рука дрожит. Во мне нет ненависти к Ленке, ведь, по сути, она такая же, как я: растерянная, несчастная и очень-очень злая. В ней есть сила, но не столько, чтобы простить. Рука дрожит. Мне снова горько. Я стою на перепутье, там, где у меня есть возможность остаться собой. Я понимаю, что Лена, которую здесь зовут Порчей, с радостью закончит дело и мне не придется вымаливать прощение у Ольги. Я приду на Преображенское кладбище, и принцесса улыбнется.

Она добрая – моя душа.

Моя мертвая душа.

Мертвая.

Я заставляю себя вспомнить белый гроб посреди черного двора. И родителей моей принцессы, черных от горя, постаревших, позабывших, что значит радость.

Я вспоминаю. Горечь уходит.

Рука перестает дрожать.

Я поворачиваюсь, долго смотрю на Порчу и ровным голосом говорю:

– Я вспомнил, что ты сделала.

Она отшатнулась, но не испугалась – отшатнулась, чтобы выиграть расстояние для отражения атаки, а когда поняла, что бить не буду, пожала плечами:

– Ты сам принял решение.

– Я не верил, что это возможно.

– И тем не менее решил сделать. – Она рассмеялась. У нее заразительный смех, но то, что она говорит, – пугает. Она – Порча. Нет сомнений. – Ты сожалеешь?

На этот вопрос я знал ответ. Увы.

– Нет, я не сожалею.

– Значит, мы поступили правильно. – Порча смотрит на меня в упор. – Назови убийцу.

– А если откажусь?

– Ты не выйдешь отсюда до тех пор, пока не назовешь имя.

Она не шутит. Она очень серьезна. Она много сделала, чтобы узнать имя, и не отступит. Однако мне нужны гарантии.

– Если назову – выйду?

– Далеко собираешься?

– На Преображенское кладбище.

Порча кивнула с таким видом, словно услышала то, что ожидала, и пообещала:

– Если назовешь – выйдешь.

И я называю все: номер дорогого дома на престижной Пречистенке, подъезд, этаж и квартиру. А напоследок – имя:

– Дьяк-меченосец Лаврич.

И вижу, как твердеет лицо Порчи.

– Ты справишься?

Она долго молчит, потом отвечает:

– Постараюсь.

Но уверенности в ее голосе нет.

Я знал, что так будет, но должен был все рассказать, чтобы не затягивать встречу и не драться. Я рассказал все и ушел.

На залитой лунным светом улице меня ждали человек и желтая машина.

* * *

Шел дождь.

Нет, не сейчас – тогда шел дождь.

Пошлый антураж, частенько сопровождающий кровь, но я не могу изменить то, что случилось. Я рассказываю, как было, а было так: шел дождь. Очень холодный мартовский дождь, мало чем отличающийся от снега. Только тем, что он лил, а не падал...

Шел дождь.

Дождь приблизил вечер: тучи заслонили небо, похоронив под собой хилый закат, мы с Ольгой спрятались на детской площадке и целовались. Страстно целовались.

Как в последний раз.

Это сравнение пришло мне в голову сейчас, а тогда я ни о чем не думал. Мы самозабвенно целовались и, конечно же, не заметили подошедших мужчин. Их было трое. Два здоровенных «быка» и главарь – плотный атлет в темной шапке и темных очках, несмотря на вечер. Но главаря я увидел потом. Собственно... Я их всех увидел потом, когда валялся возле песочницы, чувствуя только боль и ничего, кроме боли. Перед этим меня зверски били, а когда остановились, запиная к песочнице, я открыл глаза и увидел, как главарь двумя руками заносит над Ольгой нож. Брызнувшая кровь смешалась на моем лице с водой.

Потому что шел дождь...

Нас нашли минут через сорок. В больнице мне удалили левую руку от локтя, селезенку, правый глаз и одну почку. Сказали, что, возможно, я останусь парализованным до конца жизни. Потом сказали, когда я вышел из комы. Точнее, когда Порча вывела меня из комы. Тогда врачи сказали, что я – везунчик. И повторили, когда я встал на ноги. Точнее, когда Порча поставила меня на ноги, чтобы я смог уйти из больницы.

Сегодня.

В Великое Полнолуние...

Я назвал Порче адрес, потому что Сердцееда там не было. Сегодня особенная ночь, жертва даст больше сил. Не будь Порча так зла, она догадалась бы. Но она такая же, как я – растерянная и полная ненависти, она ни о чем не догадалась и поехала в дорогой дом на престижной Пречистенке, а мы с человеком выехали за город, на шоссе, по которому возвращалась с дачи семья: муж, жена, семилетняя девочка. Они не подозревали, какой кошмар им подготовили, и, когда спустило колесо, решили, что просто спустило колесо. В неудачном, безлюдном месте, но ведь такое случается, правда? Они не догадывались, как просто опытному колдуну сделать так, чтобы нужная машина остановилась в нужном месте. Муж и жена вышли, поглазели на пробитую шину, а когда повернулись к багажнику, собираясь достать инструменты и «запаску», увидели троих мужчин.

Сердцеед явился в сопровождении обычных «быков» и в привычной маскировке – в темном спортивном костюме, шапке и очках. Увидев их, женщина задала самый глупый из всех возможных вопросов:

– Что вам нужно?

А вот ее муж понял, что нужно им страшное, и крепко сжал кулаки. Он догадывался, что не сможет противостоять троем, и горько пожалел о том, что давным-давно перестал возить с собой пистолет.

– Что вам нужно? – срывающимся голосом повторила женщина.

А в следующий миг началась драка. Ее муж попытался нанести прямой в голову, ближайший «бык» ловко ушел в сторону и вперед, отвлекая на себя внимание, второй зашел слева и ударил мужчину в висок. А Сердцеед с наслаждением оттолкнул женщину. Ему был нужен спящий в машине ребенок, а родителей они планировали забить...

– Куда собралась?

Сердцеед схватил женщину за руку, развернул и отвесил пощечину. По-женски, открытой ладонью, звонкую.

– Пусть отрабатывает, если хочет жить! – предложил подскочивший «бык».

Сердцеед быстро огляделся и кивнул:

– Пусть.

Несчастная взвыла. Зарычал лежащий на земле муж, но его сопротивление уже закончилось: удар в висок оглушил, предыдущий – ногой – сломал ребро, а сейчас второй «бык» готовился врезать ему тяжеленным ботинком в голову, чтобы окончательно вырубить. Он взмахнул ногой и...

Я ударил его ножом в шею.

Да, сзади. Да, подло. Да, насмерть.

Я силен, но не всемогущ, и знал, что не смогу справиться сразу с тремя, один из которых – дьяк-меченосец, поэтому поступил так, как поступил. Как подсказывал здравый смысл. Я сюда явился не справедливость восстанавливать, а удовлетворить жажду мести.

Я ударил «быка» ножом. И сразу, не дожидаясь благодарности от мужика, бросился к следующему противнику, в надежде и его достать сзади. Не получилось. Предсмертный хрип приятеля заставил второго «быка» развернуться, и мне пришлось уворачиваться от пули. Это нелегко. И мне, врать не буду, повезло: я ушел с линии огня за мгновение до того, как «бык» надавил на спусковой крючок, и пуля улетела в лес. Я же сократил расстояние до противника, а поскольку шага не хватало, взмахнул ножом, в надежде дотянуться до его руки. Дотянулся, и «бык» с визгом выронил пистолет. В следующее мгновение я вонзил нож ему в сердце. Вопль стих, теперь орала только женщина, а Сердцеед... Я надеялся, что эффект неожиданности даст мне пару секунд, но проклятый колдун сдал мне грудь невидимой рукой. Так сдал, что едва не вырвал сердце, а затем отбросил на машину. Я крепко приложился спиной.

– Ты зря сюда явился! – Сердцеед сделал пасс левой рукой, на расстоянии придавив меня к машине, и поднял правую, намереваясь оторвать мне голову.

Я знал, что у него получится.

– Сдохни!

Он выкрутил кисть правой руки, собираясь свернуть мне шею, но за мгновение до этого я резанул себя ножом по венам, лунный свет упал на кровь, силы удесятерились, правда, ненадолго, но мне хватило: я оторвал от себя невидимую руку дьяка-меченосца и освободился.

Этого Сердцеед не ожидал.

– Кто ты?

– Будь ты проклят! – завизжала женщина, бросаясь на него сбоку. Колдун отвлекся, я прыжком достиг его и схватил за горло окровавленной рукой.

Моя кровь стала жертвой Луне, и противостоять такой силе не мог даже дьяк-меченосец. Точнее, мог, но не сегодня. Не в Великое Полнолуние. Моя кровь впилась в него, проникла глубоко внутрь и отравила силу. Он хотел сопротивляться, но не мог. Наверное, это были самые ужасные секунды в жизни победительного дьяка: он стал слабым.

И смог лишь прохрипеть:

– Кто ты?

– Заткнись. – Я перевел взгляд на женщину. – Тебе помогут.

– Кто?

– Он. – Как раз подъехала желтая машина, и из нее вышел человек. Но начал человек с того, что сбросил в канаву тела «быков». Очень грамотно.

Потом спросил:

– Запаска в багажнике?

Женщина кивнула.

– Хорошо. – Человек направился к корме семейного автомобиля. – Займись мужем.

Потому что избитый муж потерял сознание.

А его жена, как ни странно, пришла в себя. Наверное, из-за ребенка, за которого отвечала. Женщина посмотрела на меня, на мою окровавленную руку, которой я твердо держал поникшего и сдавшегося Сердцееда, посмотрела на мешком лежащего мужа, поняла, что он не помощник, посмотрела на убитых «быков», а затем вновь перевела взгляд на меня.

– Что ты с ним сделаешь?

– Он хотел убить твою дочь, – ответил я, глядя женщине в глаза. – И это был бы не первый ребенок, которого он убил.

– Его нужно судить.

– Он убил мою принцессу.

Она не поняла, кого я имел в виду, но это не важно – она поняла главное.

Далеко не каждая женщина способна принять подобное. Ночью. На пустынной дороге. Глядя на здоровяка с окровавленными руками и слыша, как его напарник ковыряется в багажнике. Слыша, как сопит во сне дочь. Ах, да – и два «быка» в канаве... Женщина должна была упасть в обморок или закатить истерику, но мужику, который валялся на земле, повезло – у него была отличная жена. Такая будет подавать патроны, что бы ни случилось, а если он сдохнет – будет стрелять сама. Женщина поняла, что я собираюсь делать, приняла и спросила:

– Что с нами?

– Вы ничего не видели, – ответил я, глядя ей в глаза.

– Мы ничего не видели. – Она даже не попыталась улыбнуться. – Сделай то, что должен.

И я потащил Сердцееда в лес.

И знаете, мне показалось, что он тоже принял происходящее. Не смирился, но не стал бы сопротивляться, даже если бы мог. А он не мог, я почти нес его: моя кровь выжгла его силу так, как он сжег мою душу. И лишь когда я прижал его к толстому дереву, дьяк-меченосец вздохнул: «Жаль, что сейчас. Когда я только обрел счастье...»

Я хотел ответить как-нибудь, но он опередил, вновь поинтересовавшись:

– Кто ты?

И промолчать на этот раз было бы невежливо.

– Я с детской площадки, Сердцеед. Помнишь, ты посещал ее в марте? Ты и два «быка». Ты убил пятнадцатилетнюю девочку по имени Оля и еще удивлялся тому, что она девственница. Смеялся... – Моя рука не дрожала. – Я слышал.

– Ты не мог, – затряс он головой. – Тебя там не было, не ври! Там была девчонка и прыщавый студент! Ты... – Он посмотрел мне в глаза и сообразил: – Ты... – И он затряс седой башкой. – Ты не должен... Нет... Это не ты... Ты не мог. Мы тебя убили! Убили!

– Нет, – я улыбнулся. – Вы били не для того, чтобы убить, вы били, чтобы изуродовать. Я помню, как ты наслаждался, Сердцеед. Помню, как говорил: «Не убейте! Пусть эта мразь пресмыкается всю оставшуюся жизнь!» Я помню.

– Тебя там не было!

Он был прав: в какой-то мере меня действительно там не было, но это не имело значения, потому что:

– Главное – я все помню. – Моя кровь продолжала его травить. – А ты сейчас за все заплатишь.

Я – сын Великого Полнолуния, я знаю все способы, как правильно убить колдуна, но этому я решил вернуть совершенное зло. Пусть всего лишь одно – самое для меня важное. Я снял с себя чокер и накинул его на шею Сердцееда.

И затянул.

* * *

Все заканчивается там, где началось. Из праха – в прах, из зла – во зло, из тьмы – во тьму. Все должно вернуться туда, откуда вышло, чтобы не нарушать порядок вещей.

Таков закон.

С человеком и его желтой машиной мы расстались на Тверской. Я отдал ему деньги, он сказал, что ему никогда не было так интересно, как сегодня ночью. Я посоветовал ему обо всем забыть. Он сказал, что постарается, но не обещает. Я спросил про женщину и ее семью, он ответил, что они будут молчать. И добавил: «Мужик все равно ничего не вспомнит, а жена у него молодец. Я бы женился». Я бы не женился, но с человеком согласился: жена молодец. И он сам молодец. Он хороший.

Мы расстались на улице, которую только-только принялся теревить рассвет. Еще не игривый, а наполовину мрачный, не до конца победивший Тьму и потому – хмурый. Утренние краски отдают серостью, но она быстро исчезает и делается незаметной.

Я проводил взглядом красные огни желтой машины и прошел во двор. В свой старый двор. В спящий колодец, над которым еще вился след гигантской Луны. Вился, медленно истончаясь... Я прошел через скрипнувшую калитку ворот, мельком посмотрел на Сторожа, не ответив на его немой вопрос, остановился в центре, спрятав руки в карманы плаща, и замер, не зная, что делать. Во второе окно слева по дальней стене я не смотрел, потому что теперь оно ничем не отличалось от других. И на скрючившегося на асфальте юношу не смотрел тоже, хотя знал, что у него нет левой руки, одного глаза и селезенки. А еще у него не было крови, порченной жаждой мести, потому что всю ее он отдал мне.

Юноша – это я. Моя сожженная душа.

Вторая ее половинка.

– Знаешь, – тихо сказала Порча. – Если бы они тебя не искалечили, то были бы сейчас живы. – Она сидела на лавочке у подъезда, в тени, поэтому я не заметил ее раньше. – Они пали жертвой самоуверенности.

– В первую очередь они пали жертвой своей жестокости, – ответил я, не глядя на Ленку. – Им нужно было просто вырубить меня. Не отнимать будущее. Не превращать в калеку.

– Потому что в этом случае ты рано или поздно позабыл бы Ольгу, – грустно закончила Порча.

И вздохнула, глядя на того меня, что лежал на асфальте. На слабого паренька, у которого отыскиались силы только на месть.

Очнувшись, я кричал от боли – она рвала меня, несмотря на всю ту наркоту, что в меня вливали, а когда вспомнил, что они сделали с Ольгой, – кричал и от боли, и от ненависти. Я знал, что искалечен, и выжил только потому, что ненавидел. Но что толку от того выживания и от той ненависти? Кем бы я вышел из больницы? Беспомощным инвалидом. И тогда пришла Порча. Ленка Порча, двоюродная сестра моей принцессы. Ленка Порча, которая сказала, что не смогла отыскать зверя, но знает, что нужно делать. Я не поверил. И не верил до тех пор, пока не увидел, как она плавит в руке стекло. Как заживляет раны. Как снимает боль... И еще: Ленка была честна со мной. Она сказала, что я попаду в Отражение, но умру. Я выпущу зверя, но отдам ему свою кровь. Мой двойник стал плотью Отражения, а моя кровь связала его с Днем. Я не должен был помнить только одно: что случилось с Ольгой. Я должен был это выяснить...

Я выяснил.

– Где Сердцеед? – глухо спросила Порча.

– Издох.

– Ты меня обманул.

– Все закончилось.

– Ты отомстил.

– Я умер.

– Таким было условие сделки.

– Что дальше?

Я не хотел задавать этот вопрос, но он сам сорвался с губ. Потому что я действительно не знал, что делать дальше. Я ведь не настоящий – я двойник. Я был создан для того, чтобы найти и убить. У меня хорошо получалось ненавидеть и еще – любить мою принцессу. Но что делать теперь?

– Теперь ты свободен, – негромко произнесла Порча.

– Я не был рабом.

– Неужели? – Она не смеется, она серьезна, но от этого только хуже, потому что она права. – Ты был рабом своей ярости.

– Знаю... – Я неуверенно машу рукой и в последний раз оглядываю родной двор, посреди которого я лежу мертвый. – Я умру?

– Нет, – качает головой Ленка. – Дети Великого Полнолуния ребята крепкие, ты протянешь долго.

– Что я буду делать это долго?! – кричу я.

Мне страшно.

– Теперь у тебя есть жизнь. – Порча поднимается. – Пошли, покажу тебе Отражение.

Серость рассвета почти исчезла. Лающий страж спит. Я медленно бреду за Ленкой по улице, на которой становится все больше и больше желтых машин, а дом, который должен был родиться в Питере, смотрит мне в спину.

Я иду жить свою жизнь.

Макам I. Проклятый старый дом

*В заросшем парке стоит старинный дом,
Забиты окна, и мрак царит
Извечно в нем,
Сказать я пытался, чудовищ нет на земле,
Но тут же раздался ужасный голос во мгле,
Голос во мгле...²*

Ingresso

Летний дождь не приносит холода – он освежает. Его прохладные капли падают на раскаленные камни, на асфальт, только что потевший липкой смолой, на горячие крыши и людей, радующихся брызгам неба. Капли рассказывают, что скоро, через месяц, или два, или три – не важно... Время не важно, ведь оно проходит, и скоро наступит осень. Капли потяжелеют и помрачнеют, наполнившись грустью желтых листьев и холодным смехом длинной ночи...

Но сейчас они веселы и в радость даже вечером, делая сумрачную прохладу еще более свежей, а город – чистым.

И именно в дождь свернул на Охотный Ряд необычный автомобиль: черный, как засвеченная пленка, и такой же блестящий, а главное – такой же старый «Horch 951 Pullman», железный аристократ, рожденный в давние времена фотографических отражений. «Horch» ехал быстро, но аккуратно, привлекая не внимание дорожной полиции, а только взгляды – и полицейских, и автомобилистов, и даже прохожих, оборачивающихся на воплощенное в металле изящество. Зрители понимали, что в таком лимузине перемещаются очень важные персоны, удивлялись отсутствию сопровождения из тяжелых, прямоугольных внедорожников, и не догадывались, что единственным пассажиром блестящего «Horch» был его шофер.

Посланный в город с поручением.

С Новой площади он повернул на Маросейку, с нее – на Большой Спасоглинищевский и стал неспешно спускаться к Солянке. Но, почти добравшись до нее, притормозил, взял налево, в темный двор старого двухэтажного дома, и остановился у ведущей в подвал двери. У двери не толкались, хотя заведение «Подпольный Шомпол» пользовалось в Отражении популярностью, и столики приходилось заказывать, а лишних гостей держать в уличной очереди.

Но не сегодня.

Сегодня водитель поставил «Horch» напротив двери, но охранники смолчали. Не струсили – они мало чего боялись, – а промолчали, признавая право гостя вести себя подобным образом. Охрана у неприметной двери неприметного подвального заведения тоже отличалась неприметностью: два заурядного сложения брюнета в черных футболках, кроссовках и брюках свободного кроя. Скромные крепыши с узкими черными глазами, которых не сразу заметишь, а если заметишь, то внимания не обратишь. Но то – несведущие. Водитель же отлично знал, что заведение стерегут яомо, а судя по тому, как они поворачивали головы – леопарды в своем втором облике.

Очень опасные противники, хоть и неприметные.

Но даже они не рискнут оскорблять владельца лимузина нападением на его шофера. Знают, к чему приведет подобная наглость.

Охранники смолчали.

² «Проклятый старый дом», группа «Король и Шут».

Водитель же заглушил двигатель, распахнул дверцу и вышел. Он был одет в классическую темно-оливковую форму шофера: фуражка, френч, галифе, черные сапоги и черные кожаные перчатки. Костюм был пошит идеально, сидел как влитой, полностью соответствовал блеску длинного «Horch», и вместе они наполняли московский двор ароматом почти забытого стиля тех времен, когда автомобили еще соревновались в изяществе с каретами. А сам водитель оказался человеком выше среднего роста, плотным, чуть округлым в плечах, но даже с виду – необычайно крепким. У него было простоватое лицо, украшенное аккуратными усами, черные глаза и большая ямочка на мягком, невыразительном подбородке.

Что же касается манеры поведения, то она отличалась такой уверенностью, словно длинный «Horch» принадлежал ему: хозяева шофера были настолько могущественны, а служил он так долго, что не мог не впитать часть их силы.

– Нас предупредили, – резким, чуть каркающим голосом произнес один из яомо.

У этой породы оборотней говорить получалось плохо.

– Он здесь? – осведомился водитель.

– Проводить?

– Не надо.

Сразу за дверью начиналась длинная прямая лестница с одной маленькой площадкой, спустившись по которой шофер оказался в первом зале «Подпольного Шомпола». Это заведение занимало весь подвал дома, весь старый подвал старого дома, и хозяева специально оставили напоказ древнюю кирпичную кладку, подчеркивая солидный возраст помещений. Залы получились не очень большими, но этот факт придавал «Подпольному Шомполу» очарования.

В первом из них гостей встречал небольшой бар и несколько столиков, за угловым дремал подвыпивший мо-ван, видимо, сегодня была не его смена, а за другим две престарелые ведьмы лапали только что сотворенного инкуба. В следующем зале была организована открытая кухня, где повара-китайцы предлагали желающим поучаствовать в приготовлении блюд. В третьем и четвертом вновь оказались столики, в пятом курили, причем не только кальян и сигары, а дальше начинались кабинеты, в одном из которых шофера поджидал высокий мужчина, худой и ушастый, одетый в расстегнутый пыльник старого покроя, который почему-то не снял в помещении, недорогой костюм и выдавшие виды ботинки. Рядом с ним, на диванчике, стоял выдавший виды портфель и лежала неопределенного цвета шляпа, превосходно сочетающаяся с пыльником.

– Принес? – коротко спросил шофер, не став тратить время на приветствия.

Давая понять, что он не считает ушастого ровней.

– Принес, – кашлянув, ответил тот.

В поведении длинного владельца пыльника чувствовалась некоторая робость.

– Покажи.

– Да, конечно, да...

Ушастый засуетился, схватил портфель, принялся неловко открывать замки, щелкая ими, но не справляясь, сообразил, что ведет себя недостойно, смутился, покраснел, замер на секунду, передохнул и после этого спокойно открыл портфель.

Шофер взирал на кутерьму с усмешкой.

– Вот, – ушастый протянул завернутую в бархат книгу.

Водитель аккуратно развернул ее, оглядел переплет, выполненный из похожей на человеческую кожу, с особенным тщанием изучил замысловатую печать, раскрыл, просмотрел титул, пролистал плотные страницы, задержавшись примерно посередине, – листал так небрежно, что вызвал у длинного едва слышный стон, затем закрыл, завернул в бархат и вынес вердикт:

– Да, это Книга Древних...

И пошатнулся.

Выпрямился. Пошатнулся вновь, но устоял, ухватился рукой за стол, выронил драгоценную книгу, изумленно посмотрел на ушастого, а в следующий миг догадался:

– Это ты! – Ведь тонкую бархатную ткань так легко наполнить легчайшим дурманом, проникающим сквозь поры кожи. – Ты...

Дальнейшие слова обратились в хрип.

А когда дурман повалил шофера на пол, ушастый выбрался из угла, в который забился от страха, подошел, потрогал носком ботинка руку водителя, не дождавшись реакции, осмелел – наступил на пальцы, проверяя, не притворяется ли поверженный гость, и, убедившись, что тончайший, похожий на пыльцу, порошок сделал свое дело, с облегчением выдохнул и присел рядом с шофером на корточки. Достал из портфеля короткую металлическую тубу, медленно отвинтил плоскую крышку и осторожно извлек металлический штырь толщиной с палец и длиной примерно пятнадцать сантиметров. Штырь покрывала бахрома тончайших черных волосков различной длины, извивающихся, словно змейки. С одной стороны штырь заканчивался пластиковой коробочкой беспроводной гарнитуры, с другой виднелся хищный стреловидный наконечник.

Длинный несколько секунд подержал штырь в руках, внимательно глядя на извивающиеся волоски, затем вздохнул, повернул голову шофера, поднес штырь к его левому уху, еще раз вздохнул, беззвучно извиняясь перед жертвой, и надавил, загоняя штырь в голову жертвы. Дело шло медленно, но не вызвало ни крови, ни конвульсий – штырь не убивал, а просто проникал в новое место. Через три минуты он полностью скрылся в шофере – снаружи осталась лишь коробочка беспроводной гарнитуры, ушастый поднялся, закрутил и спрятал в портфель тубу, добавил к ней поднятую с пола книгу, надел шляпу и вышел вон.

А еще через пятнадцать минут водитель открыл глаза, какое-то время не двигался, глядя в сводчатый потолок, затем встал, поднял фуражку, отряхнул и вернул на голову, одернул френч, поправил гарнитуру в левом ухе, достал из кармана телефон, набрал номер, вновь прикоснулся к гарнитуре, удивившись, что она заработала, убрал телефон и, услышав ответ, доложил:

– Как я и предполагал – пустышка, моя госпожа. Книга Древних оказалась подделкой. Необычайно хорошей подделкой, которая сумела обмануть даже Виссариона, но все равно подделкой. Печать, очевидно, фальшивая. – Он выдержал паузу, слушая ответ, кивнул: – Да, моя госпожа, я немедленно возвращаюсь в особняк.

Шагнул к двери, но задержался. Оглядел кабинет, как человек, мучимый мыслью, что позабыл нечто важное, едва заметно пожал плечами и ушел.

Господин Му, владелец «Подпольного Шомпола», крайне шепетильно относился к просьбам гостей организовать приватную встречу, и посему ни одна тварь Отражения не узнала, что именно произошло в тот день в одном из кабинетов известного московского заведения.

Punto

«Белое... Разве небо может быть настолько белым? Удивительно белым... Пронзительно белым... Совершенно белым... Нет, это не облака. Облака не бывают такими ровными, как скатерть. Облака могут казаться нарисованными, но никогда не превращаются в разлитое ровным слоем молоко... Краска!»

И он вдруг понял, что напоминает удивительно белое небо – потолок!

«Это краска!»

А в следующий миг он осознал себя.

Нет. В следующий миг он только начал осознавать себя, шаг за шагом определяя ключевые характеристики.

«Я – мужчина».

Это понимание возникло первым.

«Я – мужчина!»

Воин. Как будто ничего важнее для самоидентификации не существовало. А может, и правда не существовало? Ведь сначала нужно понять, на что способен, и лишь потом заняться перебором фотографий из семейного альбома.

Он мужчина, он только что очнулся, он лежит на полу и смотрит в потолок.

«Опасность!»

Он резко подскочил, выпрямился, тут же слегка пригнулся в полуприседе, мысленно обругал себя – ведь шум движения могли услышать, и огляделся.

«Почему опасность? Потому что я был без сознания. Я очнулся, значит, был оглушен... А может, прихватило сердце? Нет».

Коротко и жестко.

Нет. Никакой болезни. Он воин, а значит, потеря сознания определяется только враждебными действиями.

Опасность.

Но что произошло?

Этого мужчина пока не понимал.

Он очнулся... Не проснулся, нет, а именно очнулся в этой комнате. Как будто был без сознания. Или под действием веществ. Очнулся, лежа на полу. В этом месте пол покрывал толстый ковер с длинным ворсом, и мужчина лежал на нем. На полу, на ковре, на спине. Слева – диван и маленький столик, рядом со столиком – изящная шкатулка. Упала. Раскрылась. В ней, в уютных, проложенных бархатом ячейках, лежали изящные фарфоровые фигурки. Теперь они рассыпались. Одна переломилась пополам.

Открыв глаза, мужчина увидел белый потолок, а на нем – сейчас, не раньше, – большую старинную люстру. Позолоченная бронза и хрусталь. Лампочек двадцать, не меньше.... Светят так ярко, что глазам стало больно, и мужчина громко выругался.

Хрипло. Но после того, как прокашлялся, выяснилось, что у него приятный баритон.

«Опасности нет».

«Опасности нет?»

Никого не слышно, никого не видно.

Мужчина прикрыл глаза ладонью, уселся, облокотившись спиной о диван, посидел, привыкая к свету, и вдруг понял, что он в комнате один.

Один!

Из одежды – набедренная повязка, из оружия – ничего...

Стоп!

«Из одежды – набедренная повязка? Это нормально?!»

Глаза привыкли к свету, мужчина посмотрел на себя, убеждаясь, что не ошибся и в самом деле облачен в весьма скудное одеяние, затем еще раз выругался, поднялся, вскользь осматривая зал, и подумал, что нет – ненормально. В такой гостиной нужно появляться в соответствующем облачении, в костюме или смокинге, но уж никак не в набедренной повязке.

«Почему я в таком виде?»

И этот вопрос вызвал следующий, который должен был завершить процесс идентификации:

«Кто я?»

И тут мужчина оказался в тупике. Первое, что пришло в голову – «Кирилл», но это имя не вызвало никаких ассоциаций. Просто Кирилл. Имя не показалось родным, но ничего другого он так и не смог выдумать, пришлось смириться.

«Ладно, пока пусть будет Кирилл, после уточним».

Затягивать процесс идентификации мужчина не собирался.

Он поднялся, подошел к высокой межкомнатной двери, больше похожей на створку ворот, надавил на золотую ручку и потянул. Бесполезно. Толкнул – ничего не изменилось. Дверь оказалась запертой.

Но при этом Кирилл наконец-то обратил внимание на то, что костяшки пальцев на обеих руках разбиты в кровь. Откуда взялись ссадины, сомнений не было никаких, и это обстоятельство заставило мужчину поморщиться – еще одна странность в ряду прочих.

Бумажника нет. Документов нет. Набедренная повязка...

«Я напился и попал в исторический музей? А пальцы разбиты, потому что подрался с экскурсоводом? Вдруг мне не понравился его рассказ, я устроил дебош, полицейские пустили в комнату усыпляющий газ и сейчас хохочут за дверью, глядя на мои блуждания через следящие видеокамеры? Или у меня галлюцинации?»

– Где я? – спросил Кирилл громко, поскольку звук голоса приносил некое успокоение.

Спросил и сам себе ответил:

– Я не узнаю комнату.

– Как меня зовут?

– Меня зовут Кирилл.

– Это не мое имя.

– Лучшего нет.

– Что происходит?

– Я очнулся на полу в незнакомой запертой комнате. Один. Болит скула. – Мужчина пощупал лицо. – Бровь рассечена, костяшки пальцев разбиты, документов нет, одежды нет, и я ничего не помню. Как я здесь оказался? Была вечеринка? Может, мы с друзьями вчера здорово перебрали? – Кирилл помолчал. – Надеюсь, память вернется. Наверное, из-за этого я так растерялся: ничего не ясно, вокруг никого... Я совсем один. И совершенно не помню эту чертову комнату. Большую... не комната, а зал с высоченными, под пять метров, потолками. В дальнем углу стоит мраморный камин... Я что, в каком-нибудь дворце? Или в замке?

Звук голоса поначалу действительно успокоил мужчину, но теперь, по мере того как вопросы становились все более неприятными, а ответы отсутствовали, Кирилл вновь стал нервничать.

– Где я? – а в следующий миг сообразил: – Надо выглянуть в окно! Во всяком случае, станет ясно, что я на Земле.

Шутка не показалась смешной.

Мужчина ни черта не помнил, но в глубине души отчего-то появилось ощущение, что он действительно мог проснуться не на Земле, и ощущение его тревожило.

Кирилл повернулся, отыскал взглядом высоченные окна, точнее, отыскал взглядом плотно задернутые портьеры, за которыми, возможно, прятались высоченные окна, вздохнул

и медленно, словно ожидая нападения, подошел к ним. Портьеры оказались очень плотными, из тяжелой бархатной ткани и... старыми. Создавалось впечатление, что они провисели в этом дворце, замке или особняке несколько столетий и окаменели в той форме, которую им придал средневековый дизайнер. Или горничная. Или... В общем, тот, кто прикасался к портьерам последним. При этом на бархате совсем не оказалось пыли. Каменная твердость есть, а пыли нет.

Убедившись, что раздвинуть портьеры не удастся, Кирилл с трудом протиснулся между ними и стеной, бочком добрался до окна, жадно заглянул в него и не удержался от короткого ругательства:

– Проклятье!

На улице очень темно, можно сказать – беспросветно темно: ни силуэтов деревьев, ни огней других домов, ни придорожных фонарей – ничего. Разглядеть удалось лишь потоки воды, омывающие стекло, и стало ясно, что на улице идет сильный дождь. Однако его шум оставался по ту сторону стекла. Окна оказались старыми, скорее всего, ровесниками особняка, но звукоизоляцию обеспечивали идеальную.

– Есть в этом что-то неправильное, – пробормотал мужчина, но что именно, уловить не смог.

Кирилл огляделся, надеясь отыскать ручки или шпингалеты, ничего не обнаружил и решил разбить стекло: поскольку тяжелая дверь заперта и сломать ее не представляется возможным, окно оставалось единственным выходом из комнаты.

Выбить стекло, выйти на улицу, пусть даже и в набедренной повязке, пусть даже под дождь, отыскать дверь в особняк, постучаться и... Что будет дальше, Кирилл представить не мог, поскольку не помнил, с чего все началось. Но знал, что окончание жуткой неизвестности само по себе станет превосходным достижением.

Решено! Надо бить стекло!

«Может, подождем? – поинтересовался голос разума. – Если тебя действительно заперли друзья, зачем портить вечеринку разбитым окном?»

Кирилл на мгновение замер, но затем качнул головой, прогоняя сомнения прочь:

– Я не могу больше ждать, не могу сидеть и ничего не делать. Если бы я помнил, как тут оказался, – это одно, но я не помню, и мне... Мне от этого неуютно.

Кирилл завуалированно признался себе в страхе, но только себе. Никто другой о его слабости не узнает.

Он вспомнил, что видел несколько старинных, изогнутых стульев, выбрался из-за портьер, подошел к ним и вздрогнул: рядом со стульями в беспорядке валялась одежда.

«Моя?»

Поднял пиджак, прикинул к плечам, хмыкнул – узок, для очистки совести приложил к ноге туфлю, вновь хмыкнул и бросил ее обратно. Подумал, поворошил грудку одежды и убедился, что видит законченный комплект: серые брюки в полоску, черный пиджак, белая сорочка, галстук, белые перчатки, блестящие туфли, носки... Очень похоже на одежду слуги.

Здесь разделся дворецкий? А где он сам?

Причем одежду не сняли, а скинули, она пребывает в полном беспорядке, а на сорочке в спешке оторвали две пуговицы.

Похоже, по дому бегает голый слуга, сорвавший одежду в припадке ярости или страсти. Или ему за это заплатили...

«Может, это я сорвал с него одежду? А потом избил?»

Думать об этом не хотелось. Кирилл взял стул, вернулся к окну, напрягаясь и ругаясь, сдвинул правую портьеру, не намного, но достаточно, чтобы размахнуться для удара, размахнулся, в последний момент, конечно, чуть зажмурил глаза, опасаясь осколков, но... Но старые стекла, вставленные в старые и хлипкие на вид рамы, спокойно выдержали мощный удар тяже-

лым стулом. И вместо звона разбитого стекла в гостиной прозвучала громкая брань уронившего мебель Кирилла.

Стул сломался, рама не шелохнулась.

– Все это очень странно...

Кирилл потер ноющие руки, еще раз, не поверив глазам, осмотрел окно, повторно убедился, что оно невредимо, повторно выругался, вернулся в зал и плюхнулся в ближайшее кресло.

Оставалось сидеть и ждать, когда кто-нибудь придет и выпустит его. И не обвинит при этом в краже. Или еще в чем-нибудь. В чем? В том, на что ненавязчиво намекают разбитые костяшки пальцев. В драке. Или в избиении. Нет, все-таки в драке, поскольку рассечена бровь и ноет, словно от удара, скула.

«Возможно, я упал с лестницы, это объяснит бровь и скулу, но ободранные костяшки – слишком характерная травма...»

Однако больше всего Кирилла беспокоил тот факт, что он ничего не помнил. Ни о том, как вел себя на вечеринке (была ли она?), а вообще – ничего. Ни точного имени, ни фамилии, ни места работы, никаких естественных сведений, кроме того, что он мужчина, в памяти не появилось. А значит, его проблемы куда серьезнее, чем показалось на первый взгляд.

Он не выпил лишку, у него амнезия.

И от этой мысли внутри появлялся неприятный холодок. Как у любого нормального человека, которому объявили, что всю свою прошлую жизнь он теперь будет узнавать по чужим рассказам.

«Будем надеяться, что амнезия кратковременная и скоро пройдет».

Кирилл попробовал заставить себя успокоиться, но не получилось – печальные мысли продолжали лезть в голову, и мужчина решил заняться чем-нибудь нужным. Например, обыскать гостиную.

И заодно подумал, что он, судя по всему, является весьма деятельной натурой.

– Посмотрим, что здесь можно найти, – пробормотал Кирилл, поднимаясь с кресла.

Комната, которую он определил гостиной, была большой, не комната, а самый настоящий зал, высотой под пять метров. По всему периметру потолка шла лепнина, а в углах зала она превращалась в скульптурные композиции, в которых выделялись главные фигуры – поддерживающие потолок здоровяки, позой напоминающие атлантов, а вокруг них – сонм второстепенных существ, спускавшихся до самого пола. Фигуры не повторялись, каждая композиция была уникальной, но рассматривать их Кирилл не стал – пожалел времени. Бросил еще один взгляд на старинную люстру и медленно прошел вдоль длинной стены гостиной. Отметил – повторно – старинную мебель, тяжелую, крепкую, украшенную резьбой, и задержался у очень больших картин в золоченых рамах. На той, что слева, изображалась красивая молодая женщина в строгом черном платье, одновременно пленительная и холодная, обещающая или блаженство, или обезглавливание. А возможно – блаженство обезглавливания... Женщина сидела на троне, походившем на пасть дракона. Не в вычурном кресле – это Кирилл понял сразу, – а именно на троне. И несмотря на отсутствие каких-либо регалий, не оставалось сомнений в том, что на полотне изображена коронованная особа. Слишком уж отчетливо читалась привычка повелевать во взгляде красавицы.

А вот подписи к картине не было, и кого именно он видит, осталось для Кирилла загадкой.

Что касается второго холста, столь же огромного, как первый, то его мужчина поначалу принял за современную работу. Затем, приглядевшись, понял, что обе картины выполнены в одном стиле и, скорее всего, одной рукой. Затем признался себе, что не является экспертом-искусствоведом, не в состоянии сказать, когда было написано полотно, но думает, что оно старинное, потому что выставять в такой гостиной новодел не имеет никакого смысла. Если

же картина написана в Средние века, ею можно восхищаться, потому что неведомый Кириллу художник изобразил на полотне Землю, летящую вокруг Солнца. И ракурс был таким, словно писал художник, стоя на Луне.

– Но ведь это невозможно, да?

С одной стороны – да, невозможно. С другой же – очень хочется верить, что полотно и в самом деле старинное, что некий безумный художник сумел представить Солнечную систему и талантливо изобразил ее на холсте. А после – взошел на костер. Например.

– Что за глупости лезут в голову?

Кирилл усмехнулся и направился в угол, где расположилась третья, и последняя картина. Рама отсутствовала, то был просто холст на треноге, выглядевший так, словно художник только его закончил.

На картине изображался карлик в старинном восточном наряде: тюрбан, шаровары, халат. Не клоун, не факир и не нищий: пальцы унизаны перстнями с крупными драгоценными камнями, а за пояс заткнуты пистолет и богато украшенный кинжал. Карлик явно занимал высокое положение в обществе, скорее всего, был видным военачальником эпохи расцвета Османской империи, но поскольку не обладал величественной внешностью, как женщина с огромного холста, художнику пришлось больше внимания уделить деталям. Он тщательно выписал сад за спиной карлика, фонтан и плещущихся в нем наложниц. По манере исполнения Кирилл понял, что картину писал не автор больших полотен, а в правом нижнем углу увидел подпись: Elle.

Кирилл обошел треножник, намереваясь пройти к камину, но вновь остановился, увидев на обратной стороне холста надпись: «Шаб должен сдохнуть!»

Красной краской или... или кровью.

Написано недавно – Кирилл испачкался, прикоснувшись, – и очень коряво. Почерк неровный, неуклюжий и тонкий, как будто писали... Пером? Зубочисткой?

Или когтем.

Как будто кто-то макал острый коготь в кровь и осторожно, стараясь не повредить картину, выписывал буквы.

– Если это розыгрыш, то чертовски крутой, – пробормотал Кирилл.

«Шаб должен сдохнуть!»

Что это: пожелание, девиз или... Или приказ? Призыв? Мольба? Кто такой Шаб? И почему он должен не просто умереть, а сдохнуть? Что он натворил? Кому нагадил так сильно, что ему желают плохой смерти?

Возможно, когда-то Кирилл все это знал, но теперь проклятое беспамятство выводило его из себя. И немного пугало. Нет, пожалуй, смущало.

«Вдруг я встречу Шаба? Как понять, что он – Шаб и его надо убить? – подумал и замер изумленный: – Это моя мысль? Я готов убить совершенно незнакомого человека?»

Последовала еще одна пауза, во время которой Кирилл слушал свое «глубинное», себя того, который не зависит от памяти. И примерно через минуту пришел к неожиданному для «себя ничего не помнящего» выводу:

«Да, я могу убить».

И это не было рисовкой или самонадеянностью, нет, это кто-то хищный, дремлющий в том самом «глубинном», приоткрыл один глаз, кивнул: «Да», и снова уснул, оставив Кирилла в замешательстве.

Он понял, что преподнесет себе еще не один сюрприз, и продолжил осмотр.

А что еще оставалось?

Два больших дивана, три столика, кресла и стулья у стен... Под одним из столиков валяется пустой коньячный бокал. Пол выложен мрамором, и в одном месте, там, где его не прикрывал ковер, Кирилл увидел две глубокие царапины. И вновь остановился.

Пол выложен мраморными плитами. Поверхность выглядит очень твердой, и трудно представить того, чьи когти оставили на ней столь глубокие следы.

Может, неудачно мебель передвинули?

Нет. Царапины определенно оставлены когтями. Как будто кто-то большой бежал и поскользнулся... Да, именно так: он бежал, поскользнулся, поцарапал пол и еще зацепил стену, оставив на ней глубокую царапину. Вот она, кстати. И на полу, и на стене виднелась каменная пыль, ее не протерли и не растащили, а значит, когтистая тварь бегала.

Что не может радовать...

На полу обрывки ткани, похоже, от дорогого костюма и две карточки. Визитная, с тиснением: «Говард Л. Небраскин», частный детектив, и кредитная, платиновая, на это же имя.

– Интересно, я и есть Говард Л. Небраскин? – спросил себя Кирилл. – Частный детектив? Но честно говоря, я совсем не чувствую себя Небраскиным. То есть я, конечно, могу оказаться частным детективом, но совершенно не вижу себя представляющимся: «Меня зовут Небраскин. Говард Небраскин...» С другой стороны, я ведь ни черта не помню.

Телефонный звонок!

Он прозвучал, будто удар грома.

Здесь есть телефон и он работает! Но где... На стене! Телефон старый, настоящий антиквариат: большая коробка с переговорным раструбом и слуховая трубка на проводе. Коробка деревянная, отделка медная, похож на продуманный элемент декора, но он звонит!

ЗВОНИТ!!

Кирилл подбежал к коробке и сорвал с ее бока трубку:

– Да! Я здесь!

Он хотел сказать, что нуждается в помощи. Спросить, где находится. Что это за дом...

– Алло!

Но услышал тишину. И какие-то щелчки. Тишина и щелчки. В них умерли вопросы, которые он хотел задать.

Тишина и щелчки.

Кирилл повертел в руке трубку. А если позвонить? Но как? Здесь нет ни экрана, ни кнопок, ни диска, лишь здоровенная, отделанная медью коробка, на боку которой болтается слуховая трубка... а в следующий миг вспомнил: нужно снять трубку и несколько раз надавить на рычаг. Старые телефоны автоматически выходили на связь с оператором телефонной компании, потому что номеров тогда еще не было. Кирилл глубоко вздохнул, поднес трубку к уху, вновь наклонился к переговорному раструбу и дважды нажал на рычаг.

И окаменел.

Потому что она плакала.

Женщина. Или девушка. Щелчки и тишина сменились горьким, судорожным плачем. Не громким, но настолько пронзительным, что Кирилл позабыл о своих проблемах и сочувственно произнес:

– Не плачьте! Пожалуйста, перестаньте плакать, я вам помогу.

Но плач не прекратился. То ли несчастная не услышала, то ли не поверила в то, что ей можно помочь. Она плакала, а Кирилл молча слушал. А примерно через полминуты медленно вернул трубку на телефонный бок, помолчал и тихо сказал себе:

– Мне было очень страшно.

Нужно выбраться отсюда. И чем скорее, тем лучше.

А чтобы выбраться, нужно продолжить осмотр.

Камин очень красивый, отделан мрамором, и такой большой, что в нем можно зажарить быка. Справа и слева сидят, словно охраняя зев, мраморные горгульи. Неприятные, вырезанные со всеми отвратительными подробностями, размером с крупную собаку. Злые. И еще одна, на редкость уродливая, прилепилась точно посреди каминной полки. Эта горгулья походила

на клыкастую обезьяну с рогами и опасными когтями на крепких лапах. Скульптору удалось создать удивительно отталкивающую тварь, и Кирилл подумал, кем нужно быть, чтобы выставить такую мерзость в столь изысканной гостиной. Впрочем...

«Атланты» в углах тоже оказались не мускулистыми красавцами, а инфернальными тварями, и окружают их чудовища.

Кирилл решил проверить догадку, повернулся к ближайшему углу и услышал за спиной шорох.

И почему-то сразу понял, что нужно делать. Понимание пришло мгновенно, шорох разбудил дремлющего зверя, и тот уверенно распорядился:

«Сделай маленький шаг, покажи, что не придал шороху значения. Покажи, что ты растапа. Но шаг должен завершиться падением...»

Кирилл не думал эти слова и не слышал их – он так делал. Зверь не диктовал, а управлял.

Маленький шаг вперед, падение на пол, одновременно поворот, правая рука хватается каминную кочергу, которую приметил глаз, поворот продолжается, кочерга ложится и во вторую руку, получается блок, в который врезается...

ГОРГУЛЬЯ!!

Но тогда это обстоятельство не имело значения: горгулья, собака, человек – есть враг, его нужно убить, а кто он, можно выяснить позже. И Кирилл выяснил позже, изумившись тому, что на него напала та самая тварь, которая только что сидела на каминной полке. Позже изумился. А тогда он встретил каменную обезьяну на стальной прут кочерги, и не ожидавшая этого горгулья с хриплым криком отлетела прочь. Тут же собралась и вновь изготавилась к атаке, а Кирилл вскочил на ноги, перехватил кочергу в правую руку и чуть согнул колени.

Горгулья зашипела.

Бросилась вперед, но он был готов. Нет. Он сам, ничего не помнящий, не был готов ни к чему, но в тот момент работал зверь. Или инстинкты. Кто-то из них... Но главное – этот «кто-то» прекрасно знал, что нужно делать.

Кирилл стоял до последнего момента, а затем молниеносно ушел в сторону, резко взмахнул кочергой и отсек горгулье одно из каменных крыльев. Монстр завизжал, рухнул на пол, и Кирилл принялся хладнокровно добивать его, взмахивая кочергой до тех пор, пока под ногами не осталась лишь каменная крошка.

И лишь после этого поинтересовался:

– Ну и что здесь происходит?

Выразив таким образом удивление тем фактом, что на него напала скульптура. Да, неприятная, да, отталкивающая, но все-таки скульптура.

– Какого черта здесь оживают статуи?

Ответа не последовало, и тогда он поковырял кочергой обломки – никакой крови, только камень, пыль и мелкие кусочки. И надо сказать, что из всех сегодняшних сюрпризов – амнезия, брошенная одежда, страшная царапина на полу, небьющееся окно и пожелание кому-то смерти – ожившая горгулья прочно заняла первое место.

– Галлюцинации или реальность? Полагаю, точный ответ я получу только, когда выйду отсюда. А выйти... Выйти... – Кирилл посмотрел на дверь и хлопнул себя по лбу: – Карточка!

Пластиковая карточка Говарда Небраскина! Ее можно вставить в щель и отжать язычок замка. Получится? Кирилл не чувствовал себя опытным домошником, но отказываться от затеи не стал.

– Извини, Говард, тебе придется съездить в банк за новой карточкой.

Кирилл подошел к двери вставил карточку в щель и мягко нажал на ручку замка. Очень мягко. Без толку. Но постепенно он понял, что нужно делать, и через три минуты справился с замком. Вдохнул. Осторожно приоткрыл дверь и увидел площадку.

Или лучше называть это помещение лестничным холлом? Наверное, во дворцах их называют именно так, потому что площадка оказалась большой. Однако выходили на нее всего две двери темно-коричневого дерева и лифт. И два лестничных пролета: вверх и вниз.

Вторая дверь заперта, а открыть ее с помощью карточки не получилось – щель оказалась слишком узкой.

Лифт старинный, в нем не раздвижные дверцы, а одна, распашная, открывающаяся вручную... и закрытая. Дверь, кстати, изящная: хоть и металлическая, но украшена медными узорами и замечательно смотрится на фоне темного камня стен. А вот свет здесь не такой яркий, как в гостиной: площадка освещалась единственным бра.

Кирилл трижды надавил на кнопку вызова, но никакой реакции не последовало: ни лифт не поехал, ни звонок не прозвучал. Оставалось идти по лестнице.

Вниз или вверх?

И в это мгновение дом окутал рев. Чудовищный рык дикого зверя. Откуда он прозвучал? Отовсюду. Пришел из каждого камня. Оттолкнулся от стен, пробежал сверху вниз и обратно, заставил похолодеть и задрожать.

Бешеный рев получился невероятно громким, но коротким. Леденящим, но... Но Кирилл только что сражался с каменной горгульей, и чудовищный рык хоть и напугал, но не остановил.

– Я уже знаю, что здесь творятся странные вещи, – сказал мужчина себе и неспешно отправился вверх по лестнице.

* * *

– Кажется, здесь, – произнес Виталик, останавливая велосипед.

Он хотел достать телефон и проверить местонахождение с помощью навигатора, но Машка закричала:

– Точно здесь!

И помчалась дальше, просвистев мимо друга на бешеной скорости.

– Куда?

– Туда!

– Эх...

Девчонка Виталику досталась красивая: девятнадцать лет, бесподобная фигура, в которой девичьи округлости уже начали приобретать восхитительную женственность, длинные светлые волосы, маленький, чуть вздернутый носик, большие светло-серые глаза. Завершали образ стильные очки в черной пластиковой оправе и дерзкая спортивная одежда, скорее подчеркивающая прелесть юной красавицы, чем скрывающая ее.

Еще девушка была озорной, веселой и легкой на подъем. Ей не сиделось на месте ни зимой, ни летом, ей хотелось все увидеть своими глазами, понюхать и пощупать, и даже сегодня, в воскресенье, когда все нормальные люди спят до обеда, Машка потащила друга в очередные подмосковные развалины, о которых вычитала в интернете. «Виталик! Как же так? Мы не были в таком интересном месте!» А интересных мест, как понял парень, под Москвой бесчисленное количество: дворцы, особняки, монастыри, церкви – Виталик давно сбился со счета, а Машка наслаждалась и строила новые планы.

Ей все было интересно, но иногда выбор цели ставил молодого мужчину в тупик.

Как сейчас, например. Разгромленная, разграбленная усадьба династии Филипповых, основатель которой открыл самую знаменитую московскую булочную. Что в ней может быть интересного? Выпадающие кирпичи? Переделки под нужды спортивного центра? Для чего они сюда отправились? Но Маша сказала: «Я хочу!» – и Виталику пришлось смириться. Они состав-

вили маршрут велосипедной прогулки почти на четыре часа и теперь подъезжали к промежуточному финишу, каковым и был особняк.

– Разве он не прекрасен?

Виталик, наконец-то увидевший здание, в ответ кивнул и согласился:

– Да.

И это было правдой.

Дом оказался интереснее, чем он предполагал, глядя на выложенные в сеть фотографии. Красивый, несмотря на возраст и отсутствие по-настоящему рачительного хозяина. Предназначенный для другой жизни, но с достоинством принявший судьбу. Он стоял на пригорке и казался грустным памятником самому себе. Готовый сражаться с самим Временем.

– Я ведь обещала, что будет здорово, – рассмеялась Машка.

– С тобой всегда здорово.

– Правда?

Девушка прильнула к Виталику и заглянула ему в глаза.

– Всегда, – подтвердил тот, обнимая подругу за талию.

– С тобой тоже.

Они поцеловались. Потом еще раз, гораздо крепче, а потом девушка выскользнула из объятий и потащила молодого человека за собой:

– Пойдем внутрь.

– А что, можно внутрь?

– А для чего мы приехали?

– Подожди, я достану фотоаппарат, – Виталик остановился и снял со спины компактный рюкзак. – Минута.

– Догоняй!

– Машка!

Но девушка упорхнула, и в следующий раз молодой мужчина догнал ее на ступенях крыльца. К этому моменту рюкзак вернулся на место, а фотоаппарат переместился на грудь.

– Ты действительно хочешь пойти внутрь?

Особняк выглядел необычайно интересно, однако лезть в него Виталику не особенно хотелось: кто знает, что там? Хорошо, если просто разрушенные интерьеры, а если логово бродяг? А если дом вообще стал частным владением? Неплохо было бы получить хоть какое-то разрешение, но...

Но остановить подругу Виталик не мог при всем желании: когда ей что-то взбрело в голову, требовалось нечто большее, чем здравый смысл.

– Я хочу осмотреть дом!

– Может, лучше к реке? – почти жалобно протянул Виталик. – Посидим на берегу, устроим пикник, как хотели, искупаемся...

– Потом!

– Искупаемся...

Молодому человеку очень хотелось искупаться после долгого путешествия по жаре, поваляться на берегу, съесть припасенные бутерброды, а то и подремать в тенике, расслабиться, так сказать, в законный выходной.

– Как называется река? – девушка нахмурилась, припоминая. – Мбча?

– Моча!

– Пошляк.

– Просто хорошая шутка, – рассмеялся Виталик. – Поехали купаться в Мбче?

Было видно, что девушке очень хотелось согласиться, благо купальные принадлежности и полотенца лежали в рюкзаке, а солнце к полудню стало припекать и намекало: купаться!

Купаться, пока лето! И лишь собрав в кулак всю волю, Маша заставила себя принять непростое решение:

– Сначала дом, потом все остальное.

И Виталик сдался:

– Почему тебя сюда так тянет?

– Потому что у этого особняка есть тайна, – ответила девушка, поднимаясь по старым ступенькам.

– Здесь зарыты сокровища?

– Здесь бродит призрак цыганки.

– Спрыгнула со второго этажа от несчастной любви?

Машка остановилась, повернулась к другу и неожиданно серьезно ответила:

– Ее убили.

* * *

Рев, который услышал Кирилл, стоя на площадке условно первого этажа – поскольку он не мог сказать точно, как высоко находится, – не напугал его, но заставил действовать осторожно, и два пролета на условно второй этаж мужчина поднимался с черепашьей скоростью, останавливаясь на каждой ступеньке и внимательно вслушиваясь в тишину старинного особняка. К счастью, ужасный рык не повторялся – продолжение стало бы серьезным испытанием для нервов Кирилла, – и он сумел подняться, но... недалеко: выход на площадку второго этажа преграждала решетка из толстых металлических прутьев. Черная решетка, очень подходящая по стилю старинному особняку. Судя по всему, она упала сверху, в момент...

– Тревоги?

Похоже, да.

Это было логичное предположение: в доме что-то случилось, и поднялась тревога, на время которой переходы между этажами заблокированы, словно отсеки в подводной лодке.

«Но почему мне в голову пришла эта мысль? – удивился Кирилл. – Я занимаюсь безопасностью? Любой нормальный человек при виде решетки подумал бы о чем угодно: о паранойе хозяев, о том, что оказался в зоопарке, о том, что наверху детская, черт возьми, и владельцы особняка боятся, что ребенок скатится по лестнице... Я же предположил тревогу. Почему?»

Без ответа.

Решетка оказалась прочной, а ее прутья – редкого, квадратного сечения и буквально испещрены символами. Не вырезанными, не нацарапанными, а выгравированными. Золотом. Сами же символы были то ли китайскими, то ли египетскими, то ли вообще рунами.

То ли сочетанием всего сразу в стиле магического постмодерна.

В любом случае решетка стала непреодолимым препятствием, но едва Кирилл решил уйти, как услышал шаги и мужские голоса. Решение пришло мгновенно и опять – инстинктивно: он спустился на несколько ступенек, присел на корточки и замер, прислушиваясь. А мужчины вышли на площадку, хором выругались при виде решетки, подергали ее в тщетной попытке пройти, после чего один вновь выругался, а второй дрожащим голосом произнес:

– Мы умрем.

– Успокойся.

– Ты знаешь, что я прав.

– Это всего лишь «Кокон», – попытался объяснить матерщинник. – Безопасность нарушена, но вскоре все образуется. «Кокон» справится с любой проблемой.

– И с Шабом? – с надрывом осведомился паникер.

– Что?

– Не притворяйся дураком! – взвился тот в ответ. – Шаб вырвался на волю! Поэтому включился «Кокон»!

Кирилл осторожно приподнялся, оперевшись на руки, и внимательно посмотрел на мужчину: чтобы при следующей встрече не принять кого-нибудь из них за Шаб. Ну и предположив заодно, что один из собеседников может оказаться голым дворецким. Не оказался. Судя по одежде, на площадке второго этажа беседовали лакей и садовник. Паниковал садовник, хотя выглядел гораздо крепче манерного товарища по несчастью.

– Ты видел ее? – тихо спросил садовник.

– Да, – коротко ответил лакей.

– Она нас убьет!

– Элизабет все понимает.

– Правда?

– Это ее Истинный Облик, он страшен, но и только, – объяснил лакей. – Хозяйка нас узнала.

– Я ее боюсь, – помолчав, отозвался паникер.

– Так и должно быть.

Оспаривать это утверждение собеседник не стал. Выдержал еще одну паузу и протянул:

– Где Эндрю?

– Был в гостиной.

– Пойдем к нему?

– Забыл о решетке?

– Забыл, – вздохнул садовник. И вновь поник: – Мы умрем.

– Эндрю выберется, – уверенно произнес лакей. – А наша задача – не попасться на глаза Шабу до тех пор, пока «Кокон» или Элизабет не порвут его или не вернут в клетку.

– Говори о Шабе с уважением, – попросил садовник.

– Почему?

– На всякий случай.

– Пожалуй, ты прав, – поразмыслив, согласился лакей. – Кто знает, как закончится их встреча с Элизабет.

Несколько секунд они молчали, и Кирилл уже хотел уходить, как вдруг садовник очень тихо и очень боязливо спросил:

– Как думаешь, «Кокон» не мог сделать из Эндрю... Ну, ты понимаешь... Защитника?

– Каждый из нас может стать защитником, – лакей постарался ответить твердо, но Кирилл услышал, что он изрядно волнуется.

– Я не хочу, – садовник почти рыдал.

– Нужно было думать, когда подписывал контракт. – Лакей цокнул языком. – Сейчас поздно.

– Я не хочу!

– Пойдем, посмотрим, можно ли подняться на третий этаж?

– Я не хочу, – еще раз повторил садовник, а затем, почти без паузы, согласился: – Пойдем.

По всей видимости, ничего другого им не оставалось.

Кирилл же вернулся на площадку первого этажа и задумался.

Что такое «Кокон»? Что значит «стать защитником»? Кто такой Шаб? Почему он должен сдохнуть? Кто такая Элизабет? Впрочем, определение «хозяйка» объяснило почти все. Интересно, это она изображена на картине?

«Не может быть, – сказал себе Кирилл. – Картина выглядит старинной, а об Элизабет говорят, как о живой».

Хотя после сражения с горгульей ни в чем нельзя быть уверенным...

А вопросы продолжили сыпаться:

«Что за когтистый оставил следы в гостиной? Почему плакала женщина? Куда делся дворецкий Эндрю? Он понял, что не должен никому попадаться на глаза? Но для чего разделся?»

– Дворецким здесь служит человек-невидимка? – горько пошутил Кирилл.

Затем еще раз подергал ручки второй двери и лифта – они по-прежнему оставались запертыми, вздохнул и направился вниз.

В условный подвал.

Шел, как и наверх, медленно и осторожно, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. В какой-то момент подумал, что неплохо было бы спрятаться, никому не попадаться на глаза, как советовал лакей, и дожидаться, когда таинственный «Кокон» справится с проблемой, но зверь внутри, не открывая глаз, пробубнил: «Так не победим», и Кирилл ему поверил: до сих пор зверь ни разу не ошибся.

Дверь в подвал оказалась приоткрытой, как будто кто-то вышел и слишком слабо ею хлопнул. Или наоборот – слишком сильно. Как бы там ни было, дверь осталась приоткрытой, и в получившуюся щель пробивался электрический свет. Кирилл заглянул внутрь, готовый в любой момент ее захлопнуть и броситься наверх, но не потребовалось.

В подвале царил тишина.

При этом здесь было светло, несмотря на то что фонари больше подошли бы для аварийного освещения на подводной лодке. Но фонарей оказалось много, вот и получилось ярко. Не так ярко, как в гостиной, но гораздо светлее, чем на лестнице и площадках.

Колбы фонарей защищены проволоочной сеткой. Стены покрывает грубая желтая штукатурка, местами пошедшая трещинами. Повсюду ряды стеллажей, заставленных ящичками, сундучками, мешочками... Стеллажи делят большой подвал на зоны, перекрывают обзор, что же касается ближайшего угла – справа от входной двери, – то в нем свалены пыльные мешки, набитые чем-то сыпучим.

«Окна?»

Кирилл посмотрел на стены, но проемов не увидел. То ли никогда и не было, то ли хозяева их заложили и заштукатурили.

– Будем надеяться, что рано или поздно мне повезет... Ух, ты!

Разговаривая с собой, Кирилл медленно прошел вдоль стеллажей, повернул и оказался... Эта часть подвала представляла собой гараж, в котором стоял один из самых прекрасных автомобилей в мире.

«Horch 951 Pullman», черный «Horch 951 Pullman»!

Идеальный! И, похоже, в идеальном состоянии. Во всяком случае, внешне автомобиль выглядел царственно.

«Интересно, откуда я знаю название марки? Машина ведь редкая».

Восхищение изумительным авто заставило Кирилла на время позабыть об осторожности. Он обошел машину вдоль правого борта, по-мальчишески ведя пальцем по блестящему металлу, задержался у бампера, любуясь видом спереди, заметил, что водительская дверца распахнута, нахмурился, сделал шаг вправо и в очередной раз выругался: рядом с автомобилем лежал здоровенный черный пистолет. Нет – револьвер. Только очень большой.

Черный, как Тьма, револьвер.

Он раскрыт, видимо, его собирались перезарядить, но не успели. Гильзы рассыпаны, но снаряженных патронов не видно, только гильзы...

А неподалеку от револьвера валялась форменная фуражка шофера, закатилась за колесо, сразу не увидишь.

Ни крови, ни трупов.

И в идеально вычищенном салоне пусто, ни крови, ни трупов. А на полу с десятков гильз... все правильно – десяток, потому что револьвер пятизарядный, а возить с собой больше одного

полного запаса никто не станет – зачем? Шофер, надо отдать ему должное, не струсил, стрелял до тех пор, пока оставались патроны, и лишь затем бросился бежать.

А в кого он стрелял, Кирилл догадался, когда увидел глубокие царапины на бетонном полу. И на стенах.

«Он прыгучий», – угрюмо заметил сидящий внутри зверь.

– Кто?! – выкрикнул Кирилл, но зверь пробурчал: «Не знаю», – и умолк. Видимо, база памяти у них была общая.

Но, чтобы представить случившееся в гараже, память не требовалась. Шофер увидел когтистого и открыл огонь. Когтистый стал уклоняться, стремительно прыгая в стороны, на стену и даже на потолок, и постепенно приближался к шоферу. Тот расстрелял боезапас и попытался бежать.

Далеко?

Нет, не далеко.

Кирилл увидел опрокинутый стеллаж, подошел к нему и поморщился: здесь крови было в достатке, потому что шоферу отрезали голову. Догнали, взмахнули чем-то острым, саблей, например... или длинным когтем... В общем, судя по линии среза, взмахнули чем-то длинным и предельно острым. Взмахнули один раз, и голова укатилась к стене. При этом локтем задела стеллаж.

Пол в этой части подвала шел под уклон, а тело рухнуло так, что стекавшая кровь не испачкала одежду, и Кирилл, поколебавшись пару секунд, стянул с обезглавленного шофера рубашку, френч, брюки и кобуру. Сапоги оказались малы.

Одевшись, Кирилл почувствовал себя гораздо увереннее. Вернулся к машине, подобрал револьвер, прочитал на одной стороне «РШ-12», на другой – выгравированную серебром надпись «MORTEM MONSTRUM», ничего не понял и убрал оружие в кобуру.

И странное дело: если в рукопашном бою с горгульей Кирилл чувствовал себя как рыба в воде и абсолютно точно знал, что делать, то появление револьвера подобных ощущений не вызвало. Оружие и оружие. Пока – чужое. К тому же – незаряженное.

И тем не менее, револьвер, который он окрестил просто «12», добавил уверенности.

Некоторое время Кирилл внимательно оглядывал стеллажи в надежде отыскать патроны, не нашел, понял, что тщательный обыск займет слишком много времени, вздохнул, положившись на удачу, и занялся воротами.

Они оказались очень мощными, будто хозяева готовились к осаде, и закрытыми необычайно плотно – без единой щелочки, не позволяя взглянуть, что происходит снаружи. Справа от ворот висел блок управления с рубильником и двумя большими кнопками, но, несмотря на старания Кирилла, быстро проверившего все возможные комбинации, ворота не шелохнулись.

Может, протаранить их автомобилем? В кармане галифе Кирилл нашел ключи, но, посмотрев на ворота, понял, что этого прекрасный автомобиль не переживет. Да и жалко ему стало, если честно, крушить редкую машину.

– Оставим на крайний случай...

А следующее открытие подстерегало Кирилла в самом дальнем углу подвала – там обнаружилась клетка.

Не для собак.

Большая – в полтора человеческих роста, – кубическая клетка, крепко привинченная к полу и стенам. Ее квадратного сечения прутья были сделаны из матового серебристого металла и мерцали, то расплываясь, становясь призрачными, ненастоящими, то вновь обретали резкость и четкость. Проверая неожиданно возникшую догадку, Кирилл взял с ближайшей полки какую-то банку, кажется, с бобами, бросил и не удержался от восклицания: банка пролетела сквозь ставшие призрачными прутья, как сквозь голограмму. Ударилась о стену, свалилась на пол и лопнула, когда ее прошили ставшие твердыми прутья.

– Клетка не просто мерцает, она то теряет, то возвращает физические свойства!

Стены, пол и потолок вокруг были испещрены символами. И снова – разными, словно их собрали из различных культур: руны, иероглифы, пиктограммы, привычные буквы в непривычном написании, цифры... Символы сплетались, создавая сплошной узор, разобраться в котором мог лишь очень опытный человек.

На потолке же, прямо над клеткой, Кирилл заметил объемный знак, напоминающий черную звезду. Пригляделся и понял, что число ее лучей постоянно меняется: то их пять, то шесть, то восемь... Словно это не символ, а живое пятно тьмы, принявшее форму звезды.

А в следующий миг появилось ощущение, что сама Тьма заперта на потолке ради какой-то цели. Пытается вырваться, но не получается.

И она злится...

Потом почувяла присутствие живого, замерла, но через секунду потянула лучи в сторону Кирилла. Который машинально сделал шаг назад. И подумал, что эта тварь хуже, чем кажется. Еще подумал, что нужно уйти подальше. И уничтожить Звезду! Освободить ее! Дать ей то, что она хочет. Дать ей кровь! Принести жертвы, достойные ее величия! Омыть ее лучи их страданием! Наполнить Мрак их воплями!

– Я хочу, чтобы Тьма восторжествовала во Вселенной! – закричал Кирилл, разводя в стороны руки и обращаясь к Звезде. – Я хочу, чтобы Тьма навсегда поглотила свет, уничтожив даже память о нем! Я хочу, чтобы исполнилось пророчество и Проклятая Звезда утвердилась навечно! Смерть всем, кто не покорится Древним! Смерть трусам и воинам! Старикам и детям! Королевам и потаскухам! Смерть всем, кто наслаждался Светом и тем проклят. Только Тьма есть Царство! Только страдания есть жизнь! Все, что существует, – есть жертва во славу Древних! Наш ужас – песнь во славу Древних! Наша кровь – сок во славу Древних! Наша смерть – подарок Древним! Я знаю, чего хочет Проклятая Звезда, и с восторгом убью себя! Я встану между прутьями мерцающей клетки и буду пронзен ими. Смерть моя будет прекрасной и мучительной, потому что так хочет Звезда. Древние должны подняться!

Убивать!

Кирилл сделал шаг к клетке, намереваясь исполнить безумное обещание, но в голове зашумело, перед глазами поплыло, и он без чувств повалился на пол.

* * *

– Сфотографируй меня здесь! – попросила Маша, замирая у очередных дверей. – И здесь! – Теперь ее заинтересовала старая настенная панель. – У тебя вспышка работает? Правда, здесь классно?

– Очень...

– Мне тоже нравится. Особенно то, что дом не очень разрушен, – девушка провела рукой по стене, нащупала выключатель, нажала на тумблер, не особенно надеясь на успех, и улыбнулась, увидев вспыхнувшую лампочку. – Кое-что работает.

Подумала и погасила свет.

– Сфотографируй интерьер.

– Если это можно назвать интерьером...

– И выложи в сеть. Покажем, где мы сейчас.

– Хорошо.

Дом действительно оказался интересным. Местами он пребывал в ужасающем состоянии, местами поражал казенным видом, но по сохранившимся следам старой отделки, по узорам и панелям, лепнине и расположению комнат легко читалось, насколько элегантен был в свое время этот особняк. Особенное впечатление на Виталика произвела парадная лестница, красивая и строгая одновременно. Она поднималась рядом с высоким окном, свет из которого

падал на кованые перила, и заставляла представлять дам и кавалеров, кринолин и цилиндры и, конечно же, лакеев с подносами в руках.

Работы для фотографа дом давал вдоволь, а поскольку Виталик считал себя «профессиональным любителем», то он уже сделал множество кадров, и с Машей, и без нее, создав на карте памяти «цифровой образ особняка». Услышав предложение поделиться парой кадров с сетевыми друзьями, Виталик кивнул, залез в меню фотоаппарата, но через несколько секунд удивленно сообщил:

- Связи нет.
- Никакой? – уточнила девушка.
- Никакой.
- Куда делась?
- Не знаю.

Исчезновение связи не напугало, конечно, но показалось странным, ведь до сих пор она работала отлично. Но кто знает, чем строители прокладывали стены дома? Может, свинцовыми панелями?

Виталик улыбнулся собственной шутке, но озвучить ее не успел.

- Жа-аль... – протянула девушка. – Но делать нечего, пусть так.
- Да, пусть так, – поддержал подругу молодой мужчина, изучая на экране фотоаппарата случайно открытое изображение обшарпанной гостиной первого этажа.

В снимке не было ничего примечательного, обычная комната в череде остальных, но на стене Виталик неожиданно разглядел большую картину в резной золоченой раме. Большую картину, изображающую красивую молодую женщину в старинном платье. Молодой мужчина мог поклясться, что, когда он фотографировал, картины в гостиной не было.

- Мне кажется или тебе перестало здесь нравиться? – спросила Маша.
- Я... – Виталик покрутил головой, без особого восторга разглядывая старые стены, помялся, но ответил честно: – В какой-то момент у меня появилось чувство, будто мы здесь не одни.

– Призрак проклятого старого дома коснулся тебя бесплотной рукой, – рассмеялась Маша.

- Я серьезно, – отозвался молодой человек, поправляя рюкзак.

А вот теперь девушка насторожилась, поскольку никогда раньше не замечала за другом склонности к мистицизму или сомнительного малодушия.

- В смысле? – прищурилась Маша.
- Мне иногда кажется, что из стены может кто-то выйти, – тихо ответил парень. Но ответил таким тоном, что у девушки мурашки побежали по спине.
- Ты специально меня пугаешь?
- Я с тобой делюсь.
- Ты кого-то видел?

Отвечать Виталику не хотелось, потому что он никого не видел, а говорить о странной фотографии не хотел, пока не проверит, но тогда, получается, он попросту струсил, а признаваться подруге в слабости молодой человек не желал еще больше. Сказать, что пошутил? Поздно. Отмахнуться? Не получится.

- Мне здесь неуютно, – выдавил он из себя. – Уедем?
- Уедем обязательно, – пообещала девушка. – Но не сразу.
- А когда?
- Когда раскроем все тайны дома! – Маша сделала несколько шагов по коридору и присела на корточки у кучи мусора, в которой заприметила нечто интересное. – Ух, ты!
- Что там?
- Череп.

Виталик вздрогнул.

– Шутишь?

– Еще не знаю... – Девушка протянула руку к мусору, но подошедший парень успел схватить ее за плечо.

– Подожди!

– Чего ждать?

– Сейчас... – Он огляделся, отыскал длинную и тонкую щепку, скорее всего, отвалившуюся часть настенной панели и протянул подруге: – Не прикасайся руками.

– Спасибо. – Маша аккуратно разгребла кучу и кивнула: – Да, череп.

– Настоящий?

– Не знаю... – Девушка ответила бы так в любом случае, но сейчас, освободив находку от окружающего мусора, она немного растерялась, поскольку увидела совсем не то, что ожидала. – Это не человеческий череп.

– Собака? – предположил Виталик.

– У нее рога.

– Баран?

– Форма рогов другая.

– Просто они еще не выросли.

С каждым новым ответом ему становилось тревожнее.

– Не глупи: череп большой, явно принадлежит взрослой особи.

– Разве бараны не сбрасывают рога?

Этого девушка не знала. Однако ее скромных знаний биологии хватило, чтобы определить по форме:

– Это не баран. Скорее, обезьяна.

– Рогатая?

Да, именно так: рогатая обезьяна. И большая, горилла или орангутан. При этом клыки оказались гораздо крупнее, чем девушка ожидала увидеть у приматов, а рога и вовсе, как говорится, не лезли ни в какие ворота.

Откуда взялись рога?

Девушка почувствовала холодок, мягко проползший в грудь, вздохнула и прошептала:

– Я хочу его взять.

– Зачем? – в тон ей поинтересовался Виталик.

– Возможно, это пластиковая поделка.

– И что это значит?

– Что угодно: ребенок потерял игрушку, или сатанисты развлекаются, или ты затащил меня на квест.

– На какой квест?

– Ну, обычный: запертая комната, загадки, ловушки и час времени, чтобы их пройти.

Парень подумал и решил, что не отказался бы от такого варианта – просто квест! Поскольку он с легкостью объясняет и ощущение слезки, и отсутствие сети, и странный череп.

Квест!

Жаль только, что...

– Даю слово, что это не квест, – вздохнул Виталик. – Во всяком случае, я ничего такого не делал.

– Я тебе и без слова верю, – прошептала Маша, не сводя глаз с черепа.

Парень сфотографировал его, блеснув в сумрачном коридоре вспышкой, затем убрал аппарат в рюкзак, собрался с духом и неожиданно для девушки взял череп в руки.

– Вот и все.

Она отскочила.

– Зачем?
– Чтобы убедиться.
– В чем?
– В том, что это не пластик... – Виталик взвесил череп в руке, провел по нему пальцем и с грустью уточнил: – Что угодно, только не пластик.
А в следующий миг дом окутал запредельно лютый вой.

* * *

Сознание вернулось вдруг.

Причем и сознание, и полное понимание всего случившегося, и то, почему он был не в себе. Кирилл вскочил на ноги и громко выругался:

– Сволочная звезда меня загипнотизировала! Снесла мне крышу! – он помнил, как, не отрываясь, смотрел на живое черное пятно, и изначальная неприязнь постепенно превращалась в преданность. В желание доказать верность любым способом. Он смотрел на Звезду и понимал, что должен кого-то убить ради нее. А поскольку рядом никого не оказалось, Кирилл принял решение убить себя.

– Проклятая Звезда!

Спасение же пришло весьма необычным способом: то ли он сам, инстинктивно, то ли сидящий внутри зверь заставил правую руку прикоснуться к шее и пережать сонную артерию, лишив его сознания.

– Ты кто? – угрюмо спросил Кирилл у зверя.

Тот столь же угрюмо сообщил, что у них общая база памяти.

– А ты кто? – спросил Кирилл у себя.

Ответа привычно не последовало.

Кирилл помолчал, после чего отошел за ближайший стеллаж, встав так, чтобы не видеть Звезду, и продолжил разглядывать клетку. Он чувствовал, что она имеет важное значение и достойна изучения, невзирая на опасность вновь попасть под воздействие Звезды.

Итак, клетка...

Прутья и символы, как у решетки в коридоре. При этом их густой узор покрывает не только решетку, но все прилегающие стены сверху донизу, пол и потолок. Узор казался единым ковром, но Кирилл обратил внимание на изрядный пролом в стене и вывалившиеся из нее кирпичи, и прищурился, пытаясь представить, что здесь произошло. Кто-то разрушил стену? Взорвал, если конкретно. Кто-то сознательно заложил заряд, а поскольку дело происходит в подвале и за стеной земля, подрывник планировал не устроить пролом, а повредить узор символов. И ему удалось. Более того – в месте взрыва знаки начали отливать красным. Сначала Кирилл подумал, что это обман зрения или на стену падает какой-нибудь отблеск, но вскоре понял, что ошибся: сами символы вокруг поврежденного места меняли цвет от ярко-алого до глубокого бордо. А остальные, не затронутые взрывом, оставались мертвенно-черными.

Сделать следующий вывод не составляло труда: подрывник повредил символы, защита рухнула, прутья стали терять плотность, и на волю вырвался когтистый. Тот, который оставил следы на мраморных плитах гостиной и рыкнул на весь особняк. И оторвал голову шоферу.

«Шаб?»

По всему выходило – да. Во всяком случае, это объясняло приказ на уничтожение – что еще делать со смертельно опасной тварью?

«Кто он? Тигр? Медведь? Но если он просто зверь, то к чему эти символы?»

Размышляя, Кирилл подошел к двери лифта, оказавшейся точно такой же, как и на площадке первого этажа: старой, металлической, отделанной медью.

И запертой.

И только тут до Кирилла дошло: костюм дворецкого! Если у кого-то и могли быть ключи, то у него – у дворецкого!

– Я не обыскал костюм!

Все верно – не обыскал, потому что в тот момент был слишком растерян и еще не чувствовал сидящего внутри зверя.

Кирилл обругал себя, бросился на лестницу, быстро, но соблюдая осторожность, вернулся в гостиную, вошел, предварительно убедившись, что в ней никого нет, ощупал карманы пиджака и завладел связкой из трех ключей – больше в одежде ничего не нашлось. Выпрямился, собравшись уходить, но замер, устремив взор на «младшую» картину. Она по-прежнему стояла на треноге, только вместо карлика Кирилл увидел на холсте крепкого, нестарого мужчину в черной рясе с откинутым капюшоном. Мужчина явно позировал, небрежно облокотившись на могильный крест, а за его левым плечом поднималась башня с длиннющим шпилем, показавшаяся Кириллу отдаленно знакомой. Шпиль венчал золотой корабль.

– Что за фокусы? – Кирилл обошел картину, убедился, что надпись «Шаб должен сдохнуть!» с оборота не исчезла, равно как и подпись Elle, и вновь уставился на монаха. – Кто заменил картину?

Большие, слегка навывкате, глаза монаха смотрели весело, но ответа не давали. Да и не монах был изображен на полотне: присмотревшись, Кирилл понял, что лупоглазый позирует у оскверненной могилы.

И не удивился.

Вышел из гостиной, с первого раза угадал ключ от двери лифта, открыл ее, заглянул в шахту и поморщился: кабина стояла в подвале и двигаться никуда не собиралась. Возможно, потому что кто-то отключил питание лифта, а возможно, потому что крыша кабины была буквально «взорвана», выломана изнутри, и все механические устройства сиротливо валялись на полу.

– Все равно в подвале я уже был.

Кирилл посмотрел вверх.

Дом старый, с высокими потолками, до следующей двери не менее пяти метров, но их можно преодолеть по металлическому тросу. Кирилл схватился за него, но тут же отдернул руку – трос оказался колючим из-за множества острых металлических волосков. Пришлось вернуться в гостиную, порвать сорочку дворецкого и обмотать руки тканью. На «маленькую» картину Кирилл смотреть избегал, но, выходя из зала, не удержался, бросил взгляд и громко выругался: «монах» уступил место широкоплечему русоволосому мужчине с темными глазами и лицом воина: твердым, жестким, уверенным. Но при этом – приятным. С лицом рыцаря, а не мародера. Мужчина стоял на арене, скрестив на груди руки и небрежно наступив на отрубленную голову врага.

«Это Шаб?»

Все может быть.

Но уточнять Кирилл не стал – вышел из гостиной и вернулся к лифту.

Подниматься по металлическому канату оказалось не так уж и трудно, и это упражнение с лазерной точностью показало, что Кирилл находится в превосходной физической форме. Он уверенно поднялся на уровень второго этажа, попутно отмечая на стенах шахты знакомые следы когтей, обнаружил лифтовую дверь второго этажа проломленной и опять не удивился. Но насторожился, услышав подозрительные звуки с площадки, зацепился поудобнее и осторожно заглянул в пролом.

И едва не вскрикнул, увидев лежащих на полу мужчин. Тех самых: лакея и садовника.

Только сейчас они не разговаривали.

«Они больны... Нет! Они ранены... Или умирают... Как же они кричат! Они не видят и не слышат ничего вокруг. Им больно!»

Мужчины катались по полу, рычали, стонали, рвали на себе одежду... Ругались... Проклинали мир и каких-то Древних... Бились о камень пола и стен, царапали себя ногтями, а на их губах пузырилась алая пена.

Мужчины терзали себя с таким неистовством, словно пытались выпустить кого-то, сидящего внутри. Терзали так яростно, что не могли не добиться успеха. В какой-то момент им удалось порвать кожу, и она лопнула, разошлась, сползла, словно змеиная, но не естественно, а с болью. С дикой болью, которая заставила мужчин еще сильнее кричать, рыдать и ругаться. И сходить с ума.

А из-под кожи полезло нечто черное...

Нет! Не полезло, а стало поглощать их! Оно рвалось изнутри, но несчастные не выпускали нечто из себя – они превращались.

Кожа сползла – с кровью, болью и стонами. И тела мужчин преобразились, стали новыми: гибкими, черными... Телами зверей. И рычание постепенно перестало быть признаком боли – в нем появилась спокойная, животная злоба. На глазах Кирилла лакей и садовник обратились в черных шакалов.

«Стали защитниками?»

Вытянутые морды, острые уши и мускулистые, сильные лапы. Глаза запылали зловещим алым – горящей кровью. А другая кровь, неяркая, неброская, запачкала их клыки. Кровь лакея и садовника, пожравших себя, чтобы стать тем, кто они есть.

Шакалы огляделись, проскользнули сквозь прутья решетки и побежали вниз, к подвалу.

Кирилл же выбрался на площадку, потянулся, разминаясь, подошел к ближайшей двери, мягко нажал на ручку и замер, почувствовав на себе пристальный взгляд. Медленно повернул голову, опасаясь увидеть вернувшихся шакалов, но то были не звери.

С другой стороны решетки стоял раздетый шофер. Голову он держал под мышкой, и она недружелюбно смотрела на Кирилла мертвыми глазами.

* * *

Жуткий вой заставил ребят запаниковать.

Обнаружив странный череп, они и так-то почувствовали себя весьма неуверенно, и оглушительный рык стал последней каплей. Виталий прокричал что-то нечленораздельное, бросил череп в кучу мусора и побежал по коридору, совершенно позабыв о девушке. Та, впрочем, не растерялась: опрометью бросилась следом, изредка спотыкаясь, но не отставая.

Однако, выскочив на лестничную площадку второго этажа, Маша опомнилась, остановилась и крикнула:

– Виталик!

Заставив молодого человека тоже остановиться.

– Что? – Тот уже успел спуститься на половину пролета, но услышал подругу и поднял голову.

– Больше никто не выл, – сообщила девушка. – И никто на нас не набросился.

– Мне хватило одного раза, – не стал врать Виталик.

– Хватило на что?

– Чтобы захотеть убратся отсюда.

Он больше не собирался прикидываться храбрецом и не стыдился произносимых слов: такой удар по нервам пережить трудно, и бегущего мужчину проще назвать осмотрительным человеком, чем трусом.

Маша, в свою очередь, прекрасно понимала парня, но уже справилась со страхом и загорелась другим: до сих пор ее многочисленные экскурсии и экспедиции никогда не заканчивались чем-то необычным. А здесь, в особняке, полный комплект: череп несуществующего

животного, жуткий вой, постоянное ощущение слежки... Возможно, им действительно повезло прикоснуться к тайне – Маша хотела в это верить. Но скорее всего – тут в разговор вступал разум – происходящее имеет логическое объяснение, и в этом случае бегство превратится в позор.

Что, если их снимают на видео и вскоре выложат ролик в сеть, снабдив при этом издательскими комментариями? Такое возможно? Возможно. Хочется ей стать посмешищем Рунета? Нет.

Но как убедить перепуганного Виталика остаться?

Маша глубоко вздохнула, показав другу, что устала от бега, и покрутила кистью, охватывая небрежным движением все окружающее пространство.

– А вдруг мы стали жертвой розыгрыша?

– Какого? – не понял Виталик.

– Допустим, здесь готовится квест, – «на ходу» придумала девушка. – Ребята обустроили декорации и занялись отлаживанием оборудования. Тут появляемся мы...

– И они решили посмеяться? – сообразил Виталик.

– Верно.

Молодой человек помолчал, заодно прислушиваясь, не повторится ли вой, после чего нерешительно уточнил:

– Ты в это веришь?

– А ты веришь в привидения?

– Э-э... – Крыть Виталику было нечем, поскольку он, как, впрочем, и любой нормальный человек, в привидения не верил. В смысле, усердно делал вид, что не верит. – Что ты предлагаешь?

Так далеко Маша не заглядывала.

Минуту назад она вообще не верила, что сумеет убедить парня остаться, а теперь нужно придумывать дальнейшие шаги... Девушка посмотрела вверх:

– Куда ведет лестница?

– В башню.

Точно! На крыше виднелась башенка, и, подъезжая, Маша пообещала себе, что обязательно ее изучит.

– Пойдем?

– Пойдем, – убито согласился Виталик, вновь храбрясь. – Иначе зачем мы сюда явились? Девушка бросилась вверх по ступеням.

– Не так быстро!

Но разве она послушает? Вой забылся, страх улетучился, и Машка вновь вернулась к привычно бесшабашной манере поведения. Или к привычно безбашенной.

– Догоняй!

– Сейчас, сейчас...

Виталик поднимался неспешно, прислушиваясь, не раздастся ли сверху какой-нибудь подозрительный шум, поэтому, когда он оказался наверху, девушка уже успела заглянуть во все окна.

– Смотри, какая красота.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстился густой зеленый ковер. Кое-где его прорезали поля, кое-где виднелись крыши домов, но в целом зеленые кроны деревьев казались цельным озером, уходящим к самому горизонту.

– Как же здорово сделать здесь спальню или кабинет, – прошептала девушка. – Поселиться выше всех и наслаждаться чарующим видом. Отдыхать душой, разглядывая прекрасный мир.

– Сначала нужно открыть булочную на Тверской, – рассмеялся Виталик.

– Что верно, то верно, – согласилась Маша.

Она улыбнулась в ответ, прошла по скрипучему полу, остановилась, продолжая смотреть в одно из окон, хотела что-то сказать, но не успела: раздался громкий треск, одновременно с ним – короткий крик, и на глазах ошарашенного Виталика девушка провалилась сквозь пол.

* * *

К счастью, мертвец не смог преодолеть решетку, остался с той стороны, злобно глядя на Кирилла, но при этом не шевелясь и не протягивая руку со скрюченными пальцами сквозь прутья, как это сделали бы его коллеги из многочисленных блокбастеров. Нет. Шофер хоть и держал голову под мышкой, но вел себя спокойно и хладнокровно. Судя по неприязненному взгляду, он не имел ничего против того, чтобы добраться до Кирилла и, возможно, вцепиться зубами в его плоть, но понимая невозможность этого, не дергался.

– Хочу напомнить, что не я отрезал тебе голову, – сообщил Кирилл, глядя в мертвые глаза. – А за одежду – извини, не знал, что она тебе еще пригодится.

Шофер промолчал. Кирилл понял, что разговора не получится, и вернулся к осмотру дома.

На площадку выходили две комнатные двери. Правая, ближайшая к лифту, была закрыта, и ни один ключ из связки к замку не подошел. Дальняя оказалась более дружелюбной, и Кирилл, кивнув на прощание мертвецу, осторожно вошел внутрь.

И очутился в спальне.

Наверное, в спальне, потому что главной деталью интерьера этой комнаты выступала интригующих размеров кровать с балдахином, застеленная алым шелковым бельем. Кровать золотая, белье – алое, все остальное выдержано в том же сочетании: резьба, позолота и красная ткань. Всюду мягкие пуфики, кресла, немыслимое множество подушек... Матрац в меру жестковат. И Кирилл неожиданно подумал, как было бы хорошо улечься на этот в меру жесткий матрац, закрыть глаза и уснуть, положив голову на прекрасные, прохладные подушки. А проснувшись, обнаружить себя в нормальной обстановке. Например, в этой же кровати, но облаченным в пижаму, или без пижамы – плевать. Одному или в обнимку с женщиной, можно даже с больной головой после вчерашней вечеринки – все, что угодно, за то, чтобы проснуться и понять, что жуткий вой, мерцающая клетка, ожившая горгулья, обратившиеся в шакалов люди и мертвый шофер – ночной кошмар, не более. Проснуться, посмеяться и с удовольствием посмотреть, как верный дворецкий ставит на тумбочку поднос с апельсиновым соком, ароматным кофе и теплыми, хрустящими круассанами...

«Да плевать на круассаны! Я готов проснуться в полицейском участке: избитым, отравленным алкоголем, в порванном костюме, в компании бродяг, воров и проституток, опозоренным, но... Но находящимся в реальном, в понятном мире, в котором известно, что нужно делать, и нет места магии. Я согласен очнуться в больнице! Под капельницей! В реанимации после передозировки! Еле живым! – Кирилл с ненавистью посмотрел на аккуратно заправленное белье. – Я соглашусь на что угодно, лишь бы вырваться отсюда! Я устал! Я не понимаю происходящего и не помню себя!»

Кажется, он кричал... Прокричал последние фразы, пнул ногой спинку кровати, перевернул кресло, разбросал подушки, но добился лишь того, что слегка успокоился, сбросив напряжение на мебель.

Перевел дыхание. Огляделся и улыбнулся, увидев окна, идущие вдоль всей дальней стены. Они были плотно зашторены, но снизу пробивался свет, показывающий, что, пока Кирилл путешествовал по подвалу, глухая ночь сменилась ясным утром.

«И я смогу узнать, где нахожусь!»

Портьеры оказались такими же окаменевшими, как в гостиной, не распахивались, но когда Кириллу удалось продраться сквозь них, он увидел город. Видимо, одну из его центральных улиц. Летнюю, только что умытую холодной водой, свежую, с широкими тротуарами и стоящими на светофоре машинами. Нет, не улицу – бульвар. Посреди него тянулся утопающий в зелени сквер, в начале которого виднелся памятник: мужчина с гитарой за спиной.

В сквере люди, по тротуару идут люди. Их немного, поскольку время раннее, но они есть. Одеты по-летнему, потому что на улице тепло, слушают музыку, или разговаривают со спутниками, или просто идут, сосредоточенно глядя перед собой или обдумывая предстоящий рабочий день. Они живут своей жизнью, и им нет никакого дела до человека, стоящего в окне второго этажа.

Они не видят человека, стоящего в окне второго этажа.

Из всех сил пытающегося привлечь их внимание.

Кирилл кричал, размахивал руками и стучал по стеклу. Разгоряченный и раздосадованный, он ухитрился сорвать штору, едва увернувшись от рухнувшего следом карниза, схватил кресло, разбежался, ударил им в окно, но... С тем же результатом, что и в гостиной – только руки отбил.

А никто снаружи не увидел и не услышал несчастного пленника.

«Кокон», – вспомнил Кирилл слова лакея. – Это «Кокон».

Дом отрезан от мира, но надолго ли? Что нужно сделать, чтобы вернуться в реальность? И удастся ли вернуться в реальность? «Кокон» – это аварийная защита или вечное состояние? Не получится ли так, что с прошлой жизнью придется распрощаться навсегда?

Кириллу стало страшно.

Не просто абстрактно страшно. А гораздо хуже. Кириллу стало обдуманно страшно от того, что он не понимал происходящего и не знал, что делать. Он стоял у окна, смотрел на беззаботных людей: читающих, болтающих, смеющихся... – смотрел на них и боялся.

Кириллу показалось, что он умер.

Кириллу показалось, что умерли они.

Кириллу показалось, что он знает всех, кого видит... Стал их знать, потому что покойникам нечего скрывать друг от друга. Они умерли, только он об этом знает, а они – нет. Они в аду. Или в раю. Они там, куда ему лишь предстоит добраться.

Они заняты собой, а он бессилен.

Кирилл медленно отошел от окна, увидел телефонный аппарат на прикроватной тумбочке – старинный, отделанный золотом, очень красивый, – снял трубку, подергал за рычаг и услышал женский плач. В точности, как в гостиной.

Женский плач.

Тоскливый.

Режущий душу.

Осторожно вернул трубку на место и вздохнул.

Слева от телефона стояла фотография в золотой рамочке: прелестная девушка в элегантном костюме и шляпке. Нет, не девушка – молодая женщина, та же, что изображена на большой картине в гостиной. Подпись гласит: «Вевельсбург, 1936». Получается, девушка с портрета уже глубокая старуха, а картина все-таки написана в XX веке. Что объясняет неожиданный вид Земли на втором полотне, но оставляет привкус недоумения: Кирилл все равно сказал себе, что выглядят обе картины старинными.

Слева от кровати располагалась дверь в гардеробную, Кирилл прислушался, ничего подозрительного не уловил, осторожно приоткрыл ее и оглядел царящий внутри беспорядок: вещи на полу, ящики выдвинуты... Здесь явно что-то искали, но узнать, что именно, не представлялось возможным.

Кирилл вернулся в спальню и замер у большого трюмо, только сейчас сообразив, что зеркало мертво, как будто амальгама сгнила или заплесневела. Гладкая поверхность оказалась серой, отражающей не мир, а его тень, и холодной, как лед. На тумбочке расставлены флаконы: стеклянные, хрустальные, позолоченные... Перед трюмо притулился забавный пуфик, но зачем он, если зеркало мертво?

Почему оно мертво?

Кирилл наклонился и поднял с пола еще одно фото: все та же молодая женщина в обнимку с широкоплечим чернявым красавчиком. На обороте подпись: «Элизабет и Говард». Молодые, счастливые, влюбленные. Они обнимаются, присев на капот низкого автомобиля, а за их спинами алеет закат над тихим, словно уснувшим, океаном. Ничего необычного, за исключением одного: низкая машина – это современный «Бугатти». А девушка – та же самая, что и в 1936 году.

Та же самая.

Элизабет.

И Кирилл покачнулся от нахлынувших воспоминаний:

«Элизабет, кого ты выставишь сегодня?»

«Амона».

«Он твой любимчик».

«Ревнуешь?»

«А должен?»

«Ты такой милый...»

Слышен звук поцелуя. Потом что-то сдавливает грудную клетку. Не очень сильно, ребра не сломаны, но ощутимо. Потерпеть можно, однако неприятно. В лицо бьет поток воздуха, и Кирилл оказывается...

Воспоминания схлынули. Ушли так же стремительно, как ворвались. Кирилл удивленно посмотрел на фото, на молодую женщину, после чего осторожно вернул его на тумбочку.

Покрутил на языке имя:

– Амон? – покачал головой. – Сколько же здесь тайн?

И продолжил осмотр.

В комнате оказался еще один лифт, маленький, для подносов с едой. Судя по запаху из шахты, лифт вел на кухню, в ту комнату на первом этаже, дверь в которую была закрыта.

«Нужно ли мне на кухню?»

Но ответить на этот вопрос Кирилл не успел: уловил подозрительный шум с лестничной площадки, подкрался к входной двери, замер, прислушался, затем наклонился к замочной скважине и увидел широкоплечего чернявого красавчика с фотографии. Без пиджака и галстука, в расстегнутой белой сорочке с закатанными рукавами, в брюках и босиком. С настолько ярко горящими глазами, словно подсвеченными изнутри...

Самой Тьмой.

Потому что пылали глаза пламенем абсолютно темным.

А в левой руке красавчик сжимал хопеш. Черный, словно выточенный из антрацита ритуальный меч, покрытый вязью золотых символов.

Мужчина стоял посреди лестничной площадки, задумчиво разглядывая двери, а затем решительно шагнул к спальне. Кирилл же на цыпочках добежал до кухонного лифта и с трудом забрался в узкий лаз.

* * *

– Машка! Маша!

Сказать, что Виталик перепугался, – не сказать ничего. Когда девушка исчезла, внутри у него что-то оборвалось. Молодому человеку показалось, что это он падает в никуда, обдирая лицо и локти об острые края разлома, и вот-вот разобьется, рухнув на каменный пол следующего этажа. Ему захотелось, чтобы так и было, чтобы провалился он, а не Маша.

А когда шок прошел, Виталик, позабыв об осторожности, о том, что доски пола могут сломаться под его весом, подбежал и заглянул в пролом. Одновременно и надеясь, и боясь увидеть девушку, распластавшуюся на полу второго этажа.

И не увидел ее.

Как ни странно, Машка ухитрилась пробить не одно перекрытие и провалиться дальше. Как далеко – неизвестно, поскольку в следующем проломе Виталик разглядел лишь черноту.

«Машка свалилась в подвал?»

В этом случае она наверняка разбилась и крепко разбилась, учитывая, сколько пришлось лететь.

«Господи, только бы жива! Только бы жива!!»

Виталик выскочил на лестницу и помчался вниз, громко повторяя мольбу и перепрыгивая через три-четыре ступеньки разом. Он так торопился, что не заметил попадающиеся на пути капли крови: на пыльных ступеньках, на площадке между этажами...

Капли появлялись равномерно, будто раненый человек поднимался по лестнице в башню, прошел через нее и вышел на крышу через глухую стену.

* * *

Проклятый лаз оказался невероятно узким, однако выхода у Кирилла не было: оставаться в спальне, в которую в любую секунду мог вломиться вооруженный Говард, было опасно. В смысле, Кирилл ощущал себя достаточно крепким, чтобы дать бой мускулистому брюнету, но зачем рисковать, если, во-первых, непонятно, нужно ли им драться, а во-вторых, кулаки и незаряженный револьвер не лучшее оружие против меча.

Стараясь не шуметь, Кирилл медленно спустился примерно до середины шахты и замер, неожиданно подумав, что находится едва ли не в самом безопасном месте этого проклятого старого дома, в узком пространстве подлинного спокойствия и безмятежности.

Его никто не видит.

Его никто не слышит.

«Никто не знает, где я нахожусь, и мир может катиться к черту. Я в безопасности...»

Кирилл понимал, что в нем вновь заговорила слабость, но ничего не мог с собой поделать: ведь иногда так хочется перестать стискивать зубы, остановиться, обхватить голову руками, сесть на землю и обо всем забыть.

Достало.

Тайны, загадки, мертвецы, когтистый, шакалы, амнезия – жуткий коктейль проклятого старого дома достал так, что перестал пугать. Страх ушел, и у Кирилла осталось одно-единственное чувство:

«Надоело!»

Пришло время все это закончить, но оставался вопрос: «Как?»

«Что мне известно? Я знаю, что я – не Говард. И еще знаю, что я – не когтистый. Когтистый появился из подвала, из клетки. Именно его освобождение положило начало цепи событий... Нет! Начало положил взрыв. Кто-то намеренно повредил узор символов, в результате чего когтистый вырвался из клетки. Что получается? Элизабет и Говард мирно живут в доме, а вечерами пасут в подвале чудовищного зверя с длиннющими когтями, способными поцарапать камень. Возможно, это их сторожевая собачка... Появляется некто и разрушает идиллию: клетка сломана, тварь спущена с цепи. Если я не Говард, то я, получается, и есть тот таинствен-

ный подрывник? Сомнительно. Тот, кто устроил взрыв, наверняка знал, что за тварь вырвется из клетки, и должен был сбежать. А я здесь... И шофера, судя по всему, застали врасплох. Когтистый напал на него, убил, затем вошел в лифт... Кабина была открыта, но двигаться отказывалась – включился протокол «Кокон». Когтистый разозлился, выломал потолок кабины, затем проломил дверь лифта на втором этаже и... Куда он делся? И зачем он побывал в гостиной? Хотя с гостиной как раз все ясно: он побегал туда, куда его вели открытые двери. В гостиной случилось нечто, заставившее когтистого вернуться в подвал. А что случилось? Получается, в гостиной когтистый подрался со мной?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.